После — долго и счастливо
18+
АННА ТОДД
NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

Анна Тодд

После – долго и счастливо

Серия «Модное чтение. Проза Анны Тодд и Эстель Маскейм»

Серия «После», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11950032
После – долго и счастливо: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-83939-1

Аннотация

Тесса и Хардин вместе уже год. Они очень изменились – это уже не «плохой парень» и «хорошая девочка». Это «Хесса» – двое людей, которые не могут жить друг без друга. Но ничто так не опасно для чувства, как испытания судьбы. А в жизни Тессы и Хардина испытания случаются то и дело, словно судьба всерьез решила проверить их союз на прочность. Ревность, разочарования, депрессия, потеря близких – хватит ли у них сил не сломаться, сохранить свою любовь? Об этом – заключительная книга тетралогии «После».

Содержание

Пролог 5
Глава 1 7
Глава 2 11
Глава 3 27
Глава 4 30
Глава 5 38
Глава 6 55
Глава 7 67
Глава 8 77
Глава 9 101
Глава 10 110
Глава 11 121
Глава 12 125
Глава 13 128
Глава 14 145
Глава 15 146
Глава 16 153
Глава 17 158
Глава 18 162
Глава 19 167
Конец ознакомительного фрагмента. 173

Анна Тодд
После – долго и счастливо

© Манелис М., перевод на русский язык, 2015
© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Всем, когда-либо боровшимся за то, во что они верили

Пролог
Хардин

Много раз в жизни я чувствовал себя ненужным, даже лишним – в самом плохом смысле этого слова. Моя мама, Триш, старалась, правда старалась, но этого было недостаточно. Она слишком много работала и часто спала днем, ведь всю ночь ей приходилось проводить на ногах. Триш старалась изо всех сил, но мальчик, особенно такой, каким был я, нуждался в отце.

Кен Скотт был измученным жизнью, неотесанным, жаждущим успеха человеком, от которого мне, что бы я ни сделал, никогда не доставалось ни похвалы, ни одобрения. Маленький жалкий Хардин, пытающийся заслужить похвалу мужчины, чьи крики и брань переполняли наш тесный убогий домик, в те времена был бы счастлив узнать, что этот бездушный человек – не его отец. Вздохнув, мальчик взял бы со стола книгу и спросил маму, когда к ним приедет Кристиан – хороший дядя, который смешил его, цитируя отрывки из старых книг.

Но теперь я, уже взрослый Хардин Скотт, имеющий проблемы с алкоголем и подверженный вспышкам гнева, передавшимися по наследству от жалкого подобия отца, вне себя от ярости. Меня предали, я запутался и чертовски зол. Это

немыслимо, моя жизнь не может оказаться банальным сюжетом из дешевых сериалов с подменой отцов. Перед глазами всплывают забытые сцены из прошлого.

Вот мама разговаривает с кем-то по телефону. Это случилось на следующее утро после того, как одно из моих эссе выбрали для местной газеты.

– Я просто подумала, что вам захочется узнать: Хардин – настоящий умница. Весь в отца, – похвалила она.

Я оглядел нашу маленькую гостиную. Темноволосый, вырубившийся прямо в кресле человек, у ног которого валяется бутылка виски, – никакой не умница.

«Он самое настоящее дерьмо», – подумал я, но тут человек зашевелился, а мама быстро повесила трубку.

Я, тогда еще слишком маленький и наивный, никак не мог понять, почему мы с Кеном Скоттом никогда не были близки, почему он никогда не обнимал меня, как обнимали моих друзей их отцы. Он никогда не играл со мной в бейсбол и ничему не учил – разве что напиваться в стельку.

Неужели все эти переживания зря? Неужели на самом деле мой отец – Кристиан Вэнс?

Комната кружится, и я разглядываю человека, который, возможно, и есть мой настоящий отец. В его зеленых глазах и линии подбородка мне чудится что-то знакомое. Дрожащими руками он откидывает волосы со лба, и я застываю на месте, понимая, что делаю то же самое.

Глава 1
Тесса

–Не может быть.

Я встаю, но тут же опускаюсь обратно на скамейку, и, кажется, даже трава покачивается под ногами. Хотя погода холодная, людей в парке все прибывает: семьи с маленькими детьми, шарики и подарки в руках.

– Это правда. Кристиан – отец Хардина, – говорит Кимберли. Ее сверкающие голубые глаза серьезны.

– Но Кен… Хардин так похож на него.

Я вспоминаю, как впервые встретилась с Кеном в кафе-мороженом. Сразу же стало понятно, что он отец Хардина. Те же темные волосы и тот же рост – ошибиться невозможно.

– Разве? Я не вижу сходства, разве что цвет волос. У Хардина и Кристиана одинаковые глаза, да и черты лица тоже.

«Разве?»

Я представляю себе всех троих. У Кристиана, как и у Хардина, ямочки на щеках и те же глаза… Но это в голове не укладывается. Кен Скотт – отец Хардина, по-другому и быть не может. По сравнению с Кеном Кристиан выглядит слишком молодо. Мне известно, что они одного возраста, но, хотя Кен все еще хорош собой, алкоголизм не прошел

для его внешнего вида даром.

– Этого… – Я пытаюсь подобрать слова и лишь ловлю ртом воздух.

Кимберли смотрит на меня виновато.

– Понимаю. Мне так хотелось поделиться с тобой. Я ужасно себя чувствовала, скрывая все это, но ведь это не моя тайна. – Она накрывает мою руку своей и осторожно сжимает. – Кристиан уверял меня, что расскажет Хардину, как только разрешит Триш.

– Просто… – глубоко вздыхаю я. – Где Кристиан? Он рассказывает все Хардину прямо сейчас?

Я снова встаю, и Кимберли отпускает мою руку.

– Мне нужно к нему. Он ведь…

Подумать страшно, как Хардин отреагирует на такую новость – особенно после того, как прошлой ночью застал Триш и Кристиана вместе. Для него это будет слишком.

– Да, он сейчас с ним, – подтверждает Кимберли. – Триш так и не дала окончательного согласия, но Кристиан сказал, что почти уговорил ее, а ситуация уже выходила из-под контроля.

Я вытаскиваю телефон. Не могу поверить, что Триш скрывала все это от Хардина. Я была о ней лучшего мнения, в особенности как о матери, а выходит, я совершенно не знаю эту женщину.

Пытаюсь дозвониться до Хардина.

– Я сказала Кристиану, что будет лучше, если он призна-

ется во всем Хардину в твоем присутствии, но Триш настояла, чтобы они поговорили с глазу на глаз… – Кимберли поджимает губы, взгляд блуждает.

Автоответчик безжизненным тоном предлагает оставить сообщение. Кимберли молча сидит рядом, я снова набираю номер, но Хардин опять не берет трубку. Я в отчаянии.

– Кимберли, отвези меня к нему, пожалуйста.

– Конечно. – Она вскакивает и зовет Смита.

Я смотрю на мальчугана, идущего к нам походкой мультяшного дворецкого, по-другому и не скажешь, и внезапно до меня доходит, что Смит – не только сын Кристиана, но и… брат Хардина. У Хардина есть маленький брат. И тогда я думаю о Лэндоне… Как изменятся их отношения с Хардином? Как поведет себя Хардин, когда узнает, что их не связывают кровные узы? А Карен? Как же милая Карен с ее вкусной выпечкой? А Кен, прилагающий столько усилий, чтобы наверстать упущенное, чувствующий себя виноватым перед мальчиком, который не стал ему настоящим сыном и чье детство было ужасно? Кен хоть вообще знает? Голова идет кругом, мне просто необходимо увидеть Хардина. Он должен знать, что я рядом и что мы справимся с этим вместе. Представить не могу, что он сейчас чувствует. Наверняка потрясен.

– Смит в курсе? – спрашиваю я.

– Мы думали, что да, судя по его отношению к Хардину, но он никак не мог об этом узнать, – отвечает Кимберли,

немного помолчав.

Мне жаль Кимберли. Ей и так пришлось пережить измену жениха, а теперь еще это. Смит подбегает и одаривает нас загадочным взглядом, будто хорошо знает, о чем мы только что говорили. Разумеется, это невозможно, но вид, с каким он молча идет к машине, заставляет меня задуматься.

Мы едем через Хэмпстед, пытаясь отыскать Хардина и его отца, и острое ощущение тревоги у меня в душе то разгорается, то угасает.

Глава 2
Хардин

В баре слышен треск ломающегося дерева.

– Хардин, перестань! – откуда-то сбоку, отраженный эхом, доносится голос Вэнса.

Снова треск, за ним звон бьющегося стекла – приятный, распаляющий мою жажду к насилию. Мне необходимо что-нибудь сломать, причинить боль, пусть даже какому-то предмету.

Именно это я и делаю.

Крики вырывают меня из полуобморочного состояния. Я опускаю взгляд на руки и вижу, что держу обломок ножки дорогого стула. Подняв глаза, вижу пустые, встревоженные и незнакомые лица и пытаюсь отыскать среди них лишь одно – лицо Тессы. Но ее здесь нет, и в этот момент, охваченный яростью, я не могу понять, хорошо это или плохо. Она бы испугалась, переволновалась за меня, начала бы паниковать и суетиться, звать меня по имени, заглушая звенящие в ушах стоны и вопли.

Я торопливо отбрасываю кусок деревяшки, будто он обжигает кожу, и чувствую, как кто-то обнимает меня за плечи.

– Уводи его отсюда, пока не вызвали полицию! – Никогда не слышал, чтобы Майк так громко кричал.

– Отпусти меня на хрен!

Я отмахиваюсь от Вэнса и бросаю на него свирепый взгляд. Глаза застилает красная пелена.

– Ты что, в тюрьму захотел?! – кричит он мне почти прямо в лицо.

Мне хочется повалить его на пол, сжать пальцы на его горле…

Но пара женщин своими воплями помешали тому, чтобы меня опять унесло в темную пропасть. Я оглядываюсь: дорогущий бар, осколки бокалов на полу, сломанный стул, испуганные лица посетителей, раздумывающих, как им выбраться из этой неразберихи. Всего через несколько секунд их шок превратится в злость – на того, кто помешал их поискам счастья по завышенной цене.

Я пулей проношусь мимо официантки и выскакиваю наружу. Кристиан не отстает.

– Садись в машину, и я все тебе объясню, – раздраженно говорит он.

Опасаясь, что копы и правда могут появиться в любой момент, я подчиняюсь, но при этом не знаю, как мне себя чувствовать и что говорить. Хоть он и признался, я не в состоянии осознать его слова. Это настолько невероятно, что просто нелепо.

Я сажусь на пассажирское сиденье, как раз когда он устраивается за рулем.

– Ты не можешь быть моим отцом, это невозможно.

Сплошная бессмыслица – в каждом твоем слове.

Я осматриваю дорогую арендованную тачку и думаю, значит ли это, что Тесса осталась в том чертовом парке, где я ее высадил.

– У Кимберли ведь есть машина?

– Естественно, есть, – с удивлением отвечает Вэнс.

Мы мчимся по дороге, и низкий гул двигателя становится все громче.

– Мне жаль, что ты вот так об этом узнал. Все вроде бы наладилось, но потом вдруг стало рассыпаться на части.

Я молчу, понимая, что сорвусь, как только открою рот. Впиваюсь пальцами в ноги: легкое ощущение боли успокаивает.

– Я все объясню, только не делай поспешных выводов, ладно?

В его глазах я вижу сожаление. Меня этим не разжалобишь.

– Нечего говорить со мной как с ребенком, – огрызаюсь я.

Вэнс смотрит на меня, потом снова на дорогу.

– Ты ведь знаешь, что я вырос с твоим отцом, Кеном. Сколько себя помню, мы всегда дружили.

– В первый раз слышу. – Бросив на него сердитый взгляд, я отворачиваюсь и смотрю на проплывающий за окном пейзаж. – Похоже, я вообще ни хрена не знаю.

– В общем, так и было. Мы росли вместе, почти как братья.

– И потом ты трахнул его жену? – перебиваю я.

– Слушай, я пытаюсь все тебе разъяснить, так что, прошу, не перебивай.

Вэнс почти рычит, костяшки на руле побелели. Он делает глубокий вдох, чтобы тоже успокоиться.

– Отвечу на твой вопрос: нет, все было не так. Твоя мама и Кен начали встречаться в старших классах, когда она переехала в Хэмпстед. Красивее девушки я никогда не видел.

Внутри все сжимается от воспоминания о том, как Вэнс ее целовал.

– Но Кен сразу же ее очаровал. Они не расставались ни на минуту, как и Макс с Дениз. Впятером мы были, можно сказать, бандой. – Углубившись в свои дурацкие воспоминания, он вздыхает, и его голос становится отстраненным. – Она была остроумной, сообразительной и по уши влюбилась в твоего отца… Черт, я не сумею называть его как-то по-другому…

Из груди Вэнса вырывается стон, и он постукивает пальцами по рулю, словно подгоняя себя.

– Кен был умным, даже одаренным, но, когда досрочно поступил в университет и получил полную стипендию, он стал слишком занят. Слишком занят для нее. Часами просиживал за учебниками. А мы продолжали общаться вчетвером, без него, и мы с твоей мамой… В общем, у нее появились чувства ко мне, а мои к ней только усилились.

Вэнс ненадолго замолкает, перестраиваясь в другой ряд,

и включает вентиляцию, чтобы в салон попадало больше свежего воздуха. Воздух все равно остается тяжелым и липким, Вэнс продолжает рассказывать, а у меня голова идет кругом.

– Я всегда ее любил, и она это знала. Но любила его, а он был моим лучшим другом, – говорит он, сглатывая. – Через какое-то время мы стали… близки. Не в сексуальном смысле, просто мы оба перестали сдерживаться и отдались чувствам.

– Избавь меня от дерьмовых подробностей. – Держа руки на коленях, я сжимаю кулаки и заставляю себя заткнуться, чтобы дать ему договорить.

– Ладно-ладно, я понял. – Он смотрит вперед. – В общем, пошло-поехало, и вот мы уже вовсю крутим роман. Кен даже не догадывался. Макс и Дениз что-то подозревали, но оба молчали. Я умолял твою маму оставить Кена, ведь он перестал обращать на нее внимание. Знаю, это безумие, но я ее любил. – Он сводит брови. – Она была единственным спасением от моей тяги к саморазрушению. Кен был мне дорог, но любовь к ней застила глаза. Я ничего не мог с собой поделать.

– И… – Я подталкиваю его продолжать после нескольких секунд тишины.

– Так вот… Ну, когда она рассказала о беременности, я подумал, что мы могли бы сбежать вместе. Она вышла бы замуж за меня, а не за него. Я пообещал, что перестану бездельничать, если она выберет меня, и буду рядом с ней…

с тобой.

Я чувствую, что он смотрит на меня, но не хочу встречаться с ним взглядом.

– Твоя мама сочла, что я для нее недостаточно надежен, и вот я уже молча слушаю, как они с Кеном объявляют о том, что ждут ребенка и поженятся на той же неделе.

«Какого черта?»

Я поворачиваю к нему голову, но он не сводит глаз с дороги, явно блуждая в воспоминаниях.

– Я хотел, чтобы она была счастлива, и не мог ее опозорить, не мог поставить под удар ее репутацию, рассказав Кену или кому-то еще о том, что было между нами. Все убеждал себя, что в глубине души он должен понимать: она носит не его ребенка. Твоя мама клялась, что он не притрагивался к ней несколько месяцев. – Плечи Вэнса заметно передергиваются. – Я был шафером на их скромной свадьбе, стоял рядом, одетый в костюм. Знал, что он даст ей то, чего не могу дать я. Я даже не собирался поступать в университет. Занимался лишь тем, что страдал по замужней женщине и запоминал отрывки из старых романов, на которые моя жизнь никогда не будет похожа. У меня не было ни планов на будущее, ни денег, а ей было нужно и то, и другое, – вздыхает он, стараясь вырваться из объятий прошлого.

Наблюдая за ним, я удивляюсь тому, что приходит мне в голову и что я чувствую себя вынужденным сказать. Кулаки у меня сжимаются, и, пытаясь взять себя в руки, я рас-

слабляюсь.

Затем снова сжимаю кулаки и, не узнавая собственного голоса, спрашиваю:

– То есть мама использовала тебя, чтобы поразвлечься, а потом бросила, потому что у тебя не было денег?

Вэнс тяжело выдыхает:

– Нет. Она меня не использовала. Знаю, со стороны кажется именно так, но вся эта ситуация чертовски запутанная. Ей нужно было думать о тебе и о твоем будущем. Я был настоящим раздолбаем, просто бестолочью. И мне нечего было ей предложить.

– Зато теперь у тебя миллионы, – с горечью замечаю я.

Как он может защищать ее после всего случившегося? Что с ним такое? Но вдруг во мне что-то переворачивается, и я думаю о матери. Потеряв двух мужчин, впоследствии разбогатевших, она вкалывает на тяжелой работе и возвращается по вечерам в маленький унылый домишко.

– Да, – кивает Вэнс. – Но откуда мне было знать, что у меня что-то получится? У Кена все шло хорошо, а у меня нет. Вот и все.

– Пока он не стал каждый вечер надираться в хлам.

В душе снова разгорается ярость. Меня пронизывает острое ощущение предательства – видимо, я никогда не справлюсь с гневом. Пока Вэнс наслаждался светской жизнью, я рос с гребаным алкоголиком.

– В этом я тоже облажался, – говорит он.

Я так долго был уверен, что знаю этого человека, действительно знаю.

– После твоего рождения мне пришлось через многое пройти, но я поступил в университет и любил твою маму на расстоянии…

– Пока не?..

– Пока тебе не исполнилось пять. Это был твой день рождения, и мы все собрались на праздник. Ты выбежал на кухню, зовя папу… – Вэнса подводит голос, и я сильнее сжимаю кулаки. – К груди ты прижимал книжку, и я на миг забыл, что ты зовешь не меня.

Я бью кулаком по приборной панели и требую:

– Выпусти меня из машины.

Не могу больше это слушать. Все так чертовски запутано. У меня не получается осознать все сразу. Уж как-то слишком.

Вэнс пропускает мою вспышку мимо ушей и продолжает вести машину по жилому району.

– В тот день я сорвался. Потребовал, чтобы твоя мама рассказала Кену правду. Я больше не мог смотреть на то, как ты растешь. К тому моменту мой переезд в Америку был решенным делом. Я умолял ее поехать со мной и взять тебя, моего сына.

«Моего сына».

Внутри у меня все переворачивается. Нужно выбраться из машины, хоть бы и на ходу. Я смотрю на милые домики,

мимо которых мы проезжаем, и думаю о том, что, несомненно, предпочел бы физическую боль этой.

– Но она отказалась и сообщила, что сделала тест… и что все-таки ты не мой ребенок.

– Что?

Я потираю виски. Если бы это помогло, я бы разбил головой приборную панель.

Бросаю на него взгляд и вижу, что он стреляет глазами то вправо, то влево. Заметив, с какой скоростью мы мчимся, я понимаю, что он пропускает все светофоры и знаки остановки, лишь бы не позволить мне выпрыгнуть из машины.

– Наверное, она запаниковала. Не знаю. – Вэнс поворачивается ко мне. – Я был уверен, что она лжет. Много лет спустя твоя мама призналась, что не делала никаких тестов. Но в тот момент она была непреклонна: сказала, чтобы я забыл обо всем, и извинилась за то, что ввела меня в заблуждение насчет моего отцовства.

Я весь сосредоточен на своем кулаке. Сжать, разжать. Сжать, разжать…

– Прошел еще один год, и мы снова стали разговаривать… – продолжает он, но его тон неуловимо меняется.

– Ты имеешь в виду, снова стали спать вместе.

Очередной тяжелый вздох срывается с его губ.

– Да… Каждый раз, оказываясь рядом друг с другом, мы повторяли одну и ту же ошибку. Кен много работал, готовился к получению степени магистра, а она сидела дома с тобой.

Ты всегда был так похож на меня: когда бы я ни зашел, тебя было не оторвать от чтения. Не знаю, помнишь ли ты, но я всегда приносил тебе книги. Подарил тебе свой экземпляр «Великого Гэтс…»

– Хватит.

Неясные воспоминания затуманивают голову, и мне становится досадно от нежности в его голосе.

– С перерывами так продолжалось несколько лет, и мы думали, что никто ничего не замечает. Это была моя вина: я никак не мог перестать ее любить. Что бы я ни делал, мысли о ней не давали мне покоя. Я переехал ближе к вам, поселился в доме прямо через улицу. Твой отец знал. Не представляю, откуда, но стало ясно, что он знал.

Немного помолчав и свернув на другую улицу, Вэнс добавляет:

– Тогда он и начал пить.

Выпрямившись, я ударяю ладонями по приборной панели. Он даже не вздрагивает.

– Значит, ты оставил меня с отцом-алкоголиком, который стал таким только из-за вас с мамой? – Моя ярость заполняет салон машины, я еле дышу.

– Я пытался ее убедить, Хардин. Не хочу, чтобы ты винил мать, но я уговаривал ее забрать тебя и переехать ко мне. Она отказалась. – Вэнс проводит рукой по волосам, подергивая их у корней. – С каждой неделей он пил все больше и все чаще, но она по-прежнему не хотела признаться, что ты мой

сын. Даже мне, поэтому я и уехал. Вынужден был уехать.

Вэнс замолкает, и когда я снова смотрю на него, вижу, что он быстро моргает. Я тянусь к дверной ручке, но он прибавляет газу и несколько раз нажимает на кнопку блокировки дверей: «щелк-щелк-щелк» разносится по машине.

Когда Вэнс продолжает рассказывать, его голос звучит глухо:

– Я переехал в Америку и много лет ничего не слышал о твоей маме – до того момента, пока Кен в конце концов не ушел от вас. У нее не было денег, она работала не покладая рук. К тому времени мои доходы прилично выросли. Конечно, я зарабатывал не так много, как сейчас, но и не мало. Я вернулся сюда и нашел нам жилье, нам троим, и в его отсутствие заботился о ней, но она все больше от меня отдалялась. Сбежавший черт знает куда Кен прислал документы на развод, и все равно она не хотела заводить со мной постоянные отношения. – Вэнс хмурится. – Всего, что я сделал, ей было недостаточно.

Я помню, как он забрал нас к себе после ухода отца, но никогда особо об этом не задумывался. Даже не предполагал, что причина тому – их с мамой общее прошлое или то, что я мог оказаться его сыном. Мое пошатнувшееся мнение о ней вконец испортилось. Я потерял к ней последнее уважение.

– В общем, когда она переехала обратно в тот дом, я так и продолжал помогать вам деньгами, но сам вернулся в Америку. Твоя мама стала возвращать мои ежемесячные чеки,

не отвечала на звонки, и я начал подозревать, что она нашла кого-то другого.

– Нет. Просто каждую минуту каждого дня она работала. – В подростковые годы мне было одиноко дома, поэтому я и связался с плохой компанией.

– Думаю, она надеялась, что он вернется, – поспешно говорит Вэнс, затем замолкает. – Но он не вернулся. Многие годы он продолжал пить, пока что-то наконец не заставило его понять, что пора остановиться. Несколько лет мы с ним не общались, но он связался со мной, когда переехал в Штаты. На тот момент он завязал с выпивкой, а я только что потерял Роуз. После твоей мамы Роуз была первой женщиной, глядя на которую я не видел лица Триш. Она была невероятно милой и подарила мне много счастья. Я знал, что никого не полюблю так сильно, как твою маму, но с Роуз мы жили душа в душу. Мы были счастливы и строили жизнь вместе, но на мне словно висело проклятие… и она заболела. Роуз родила Смита, но ее я потерял…

Эта мысль меня изумила.

– Смит.

Я был так занят попытками сложить эту чертову путаницу в цельную картину, что даже не подумал о мальчишке. Что это означает? Черт.

– Я решил, что этот маленький гений даст мне второй шанс стать отцом. После смерти его матери он помог мне найти себя. Я постоянно вспоминал о тебе в детстве: Смит

выглядит так же, как ты в том возрасте, только волосы и глаза у него светлее.

Помню, Тесса сказала то же самое, когда мы познакомились с парнишкой, но сам я не вижу сходства.

– Это… просто охренеть, – вот и все, что пришло мне в голову.

В кармане вибрирует телефон, но я лишь смотрю на свою ногу, будто это какой-то воображаемый звук, и не могу пошевелиться, чтобы ответить на звонок.

– Знаю, и мне жаль. Когда ты переехал в Америку, я подумал, что смогу быть рядом, не принимая на себя роль отца. Я продолжал общаться с твоей мамой, взял тебя на работу в «Вэнс» и постарался сблизиться настолько, насколько ты мне позволил. Я наладил отношения с Кеном, хотя враждебность между нами никуда не денется. Наверное, он жалел меня после того, как я потерял жену. К тому времени он очень сильно изменился. Я хотел лишь быть ближе к тебе и радовался любому общению. Знаю, теперь ты меня ненавидишь, но мне хотелось бы верить, что хоть какое-то время у меня все получилось.

– Ты лгал мне всю мою жизнь.

– Я знаю.

– И мама тоже, и оте… Кен.

– Она по-прежнему все отрицает. – Вэнс находит для нее очередное оправдание. – До сих пор не признает всей правды. У Кена всегда были подозрения, но твоя мама никогда

их не подтверждала. Наверняка он все еще цепляется за призрачный шанс, что ты его сын.

Нелепость его слов заставляет меня закатить глаза.

– Ты хочешь сказать, Кен Скотт настолько тупой, что считает меня своим сыном после всех лет, что вы трахаетесь у него за спиной?

– Нет. – Вэнс останавливается у обочины, глушит мотор и смотрит на меня внимательно и серьезно. – Кен не тупой. Он лелеет надежду. Он любил тебя – и сейчас любит – и только из-за тебя бросил пить и вернулся к учебе. Хотя знал, что ты можешь оказаться не его ребенком, но, несмотря ни на что, сделал все это ради тебя. Он сожалеет о том, что тебе пришлось вынести столько дерьма, и о том, что случилось с твоей мамой.

Я вздрагиваю: перед глазами проносятся образы, населяющие мои кошмары. Оживают воспоминания об ужасе, который сотворили с ней те пьяные солдаты много лет назад.

– Она что, не делала никаких тестов? Откуда ты вообще знаешь, что ты мой отец? – Поверить не могу, что задаю этот вопрос.

– Я знаю. И ты тоже это знаешь. Все всегда говорили, как ты похож на Кена, но я уверен, что в твоих жилах течет моя кровь. Если прикинуть по времени – не сходится, он никак не может быть твоим отцом. Она не могла забеременеть от него.

Я смотрю на деревья за окном. Снова вибрирует телефон.

– Почему сейчас? Почему ты рассказываешь мне об этом сейчас? – спрашиваю я, повысив голос. Терпение у меня кончилось.

– Потому что твоя мама сходит с ума от беспокойства. Две недели назад Кен упомянул, что тебе надо сделать анализ крови, это нужно для Карен, и я сообщил об этом Триш…

– Анализ на что? И при чем тут вообще Карен?

Вэнс бросает взгляд на мою ногу, затем на свой телефон, лежащий на центральной консоли.

– Тебе лучше ответить. Кимберли тоже звонит мне.

Но я качаю головой. Позвоню Тессе, как только выберусь из машины.

– Мне правда очень жаль. Не знаю, о чем я, черт возьми, думал, когда пошел прошлой ночью к ней домой. Она позвонила мне, и я просто… Не знаю. Кимберли должна стать моей женой. Я люблю ее больше всего на свете – даже больше, чем когда-либо любил твою маму. Это другая любовь, взаимная. Кимберли для меня – все. Снова встретившись с Триш, я сделал огромную ошибку и всю оставшуюся жизнь буду ее исправлять. Не удивлюсь, если Ким меня бросит.

«Только избавь меня от исповеди неудачника».

– Еще бы, Капитан Очевидность. Не нужно было пытаться трахнуть мою маму на кухонной стойке.

– Ее голос звучал испуганно. – Он сердито смотрит на меня. – Она сказала, что перед свадьбой хочет удостовериться, что ее прошлое осталось в прошлом, а я ведь настоящий

специалист по принятию неверных решений.

Ему явно стыдно. Он постукивает пальцами по рулю.

– Я тоже, – бормочу я себе под нос и тянусь к дверце.

Он пытается схватить меня за руку.

– Хардин. Погоди.

Я отдергиваю руку и выбираюсь из машины. Мне нужно время, чтобы осознать все это дерьмо. Меня только что завалили ответами на вопросы, которые я даже не собирался задавать. Нужно отдышаться, успокоиться, уйти от него – к моей девочке, моему спасению.

– Тебе лучше держаться от меня подальше. Мы оба это понимаем, – говорю я, когда вижу, что он не трогается с места.

На мгновение Вэнс задерживает на мне взгляд и, кивнув, оставляет меня на улице одного. Осмотревшись, я замечаю неподалеку знакомую вывеску – значит, до маминого дома всего несколько кварталов. Тянусь в карман за телефоном, чтобы позвонить Тессе. В ушах стучит пульс. Мне необходимо услышать ее голос, необходимо, чтобы она вернула меня к реальности.

Глядя на здание и ожидая ответа, я чувствую, как внутри меня борются демоны, затягивая в приятный мрак. С каждым гудком они тянут все сильнее и все глубже, и вскоре я ловлю себя на том, что ноги несут меня через улицу.

Засунув телефон обратно в карман, я открываю дверь и встречаюсь с привычными картинами моего прошлого.

Глава 3
Тесса

Я переступаю с ноги на ногу, на полу хрустит разбитое стекло. Терпеливо жду – настолько терпеливо, насколько у меня сейчас получается.

Майк заканчивает беседовать с полицией, и я наконец подхожу.

– Где он? – спрашиваю я не слишком любезно.

– Уехал с Кристианом Вэнсом.

Взгляд Майка ничего не выражает. Его вид помогает мне немного успокоиться и понять, что он ни в чем не виноват. Сегодня день его свадьбы, и он испорчен.

Не обращая внимания на шепот любопытных зевак, я оглядываю обломки деревянной мебели. Желудок сводит, но я пытаюсь держать себя в руках.

– Куда они отправились?

– Не знаю. – Он закрывает лицо руками.

Кимберли трогает меня за плечо.

– Слушай, если мы еще будем здесь, когда полицейские закончат с теми парнями, они, возможно, захотят поговорить и с тобой.

Я перевожу взгляд с двери на Майка, затем киваю и иду вслед за Кимберли к выходу. Не горю желанием привлекать

к себе внимание копов.

– Можешь еще раз набрать Кристиану? Извини, просто мне нужно поговорить с Хардином. – Выйдя на улицу, я вздрагиваю от холода.

– Попробую, – обещает она, и мы идем через парковку к ее взятой напрокат машине.

Я вижу, как еще один полицейский заходит в этот роскошный бар, и меня начинает медленно охватывать страх. Я боюсь за Хардина, но не из-за полиции, а из-за того, как он справится с ситуацией, оставшись наедине с Кристианом.

Смит спокойно ждет на заднем сиденье машины. Я опираюсь локтями о багажник и прикрываю глаза.

– Как это ты не знаешь? Мы его найдем! – рявкает Кимберли, отрывая меня от моих мыслей, и нажимает отбой.

– Что происходит? – Мое сердце колотится так громко, что я боюсь не расслышать ответ.

– Хардин вышел из машины, и Кристиан потерял его из виду.

Кимберли завязывает волосы в хвост.

– Скоро уже эта чертова свадьба, – добавляет она, переведя взгляд на Майка, который в одиночестве застыл у дверей бара.

– Это катастрофа, – вздыхаю я, мысленно молясь, чтобы Хардин вернулся сюда.

В очередной раз достаю телефон, и моя паника немного рассеивается, когда я вижу его имя в списке пропущенных

звонков. Дрожащими руками набираю номер и жду. Жду. Нет ответа. Звоню снова и снова, но каждый раз попадаю на голосовую почту.

Глава 4
Хардин

– Виски с колой, – бросаю я.

Пристально глядя на меня, лысый бармен достает пустой стакан и наполняет его льдом. Жаль, я не догадался пригласить Вэнса: выпили бы вместе, как отец и сын.

«Черт, вот дерьмо».

– Лучше двойной, – уточняю я заказ.

– Понял, – с сарказмом отвечает громила.

Мой взгляд натыкается на старый телевизор на стене, и начинаю читать надписи внизу экрана. Идет реклама страховой компании, и на весь экран показывают хохочущего ребенка. Никогда не пойму, почему в каждой гребаной рекламе надо снимать детей.

Бармен молча придвигает ко мне по деревянной стойке стакан, и в этот момент ребенок из рекламы издает звук, который, судя по всему, считается еще более «милым», чем его смех. Я подношу стакан к губам, а мысли мои уже далеко отсюда.

– Зачем ты принесла домой детские вещи? – спросил я.

Она присела на край ванны и завязала волосы в хвост. Я начал волноваться, не помешана ли она на детях, потому

что со стороны именно так это и выглядело.

– Это не детские вещи, – засмеялась Тесса. – Просто на упаковке изображен отец с ребенком.

– Я правда не понимаю, кого они хотят этим привлечь.

Передо мной лежал набор для бритья, купленный Тессой, и я разглядывал пухлощекого ребенка, удивляясь, каким боком этот ребенок, черт возьми, связан со средствами для бритья.

– Я тоже не понимаю, но, наверное, изображение малыша помогает поднять продажи, – пожала она плечами.

– Возможно, за счет женщин, которые покупают эту фигню для своих парней и мужей, – уточнил я. Ни один мужчина в здравом уме не взял бы такое с полки.

– Нет, я уверена, что мужчины, у которых есть дети, тоже бы его купили.

– Ну конечно.

Я открыл коробку и разложил перед собой ее содержимое, затем поймал взгляд Тессы в зеркале.

– Миска?

– Да, это для крема. С помощью кисточки побреешься чище.

– И откуда тебе известны такие подробности? – удивился я, надеясь, что она узнала об этом не от Ноя.

– Посмотрела в Интернете! – широко улыбнулась она.

– А как же иначе. – Моя ревность исчезла, а Тесса в шутку пнула меня. – Раз уж ты такой эксперт в искусстве бритья,

помоги мне.

Я всегда пользовался обычной бритвой и кремом, но не стал отказываться, ведь она так серьезно подошла к делу. И, честно говоря, мысль, что она меня побреет, чертовски возбуждала. Улыбнувшись, Тесса встала и подошла к раковине. Взяла тюбик и выдавила крем в миску, а затем взбила его кисточкой в пену.

– Готово. – Она с улыбкой подала мне кисточку.

– Нет, давай ты. – Я вернул ей кисть и обнял за талию. – Забирайся повыше.

Я подсадил ее на стойку с раковиной и, как только она устроилась, развел ее ноги в стороны и стал между ними.

Окуная кисточку в пену и проводя ею по моему подбородку, она смотрела на меня настороженно, но внимательно.

– Мне не особо хочется куда-то идти сегодня. Много работы. Ты меня все время отвлекаешь.

Я сгреб в охапку ее грудь и нежно сжал. Ее рука дернулась, отчего крем попал мне на шею.

– Хорошо, что ты не держала в руках бритву, – пошутил я.

– Действительно, – усмехнулась она.

Прикусив полные губы, она взяла новый станок для бритья.

– Ты точно хочешь, чтобы это сделала я? Боюсь случайно тебя поранить.

– Не дрейфь, – ухмыльнулся я. – Ты ведь наверняка прочитала в Интернете и про этот этап бритья.

Она по-детски показала мне язык. Я наклонился, чтобы поцеловать ее, пока она не приступила к делу. Тесса ничего не ответила, потому что я был прав.

– Но знай, если порежешь меня – сразу беги, – засмеялся я.

– Стой ровно, – снова нахмурилась она.

Сначала ее рука слегка дрожала, но затем она стала уверенно водить бритвой по моим щекам.

– Лучше просто поезжай без меня, – сказал я и закрыл глаза.

Ощущение от того, что она бреет мне лицо, было приятным и на удивление успокаивающим. Мне не хотелось идти на ужин к отцу, но Тесса уже с ума сходила от постоянного пребывания в квартире, так что, когда Карен пригласила нас, она тут же ухватилась за предложение.

– Если сегодня мы останемся дома, то перенесем встречу и пойдем к ним в эти выходные. Ты успеешь все доделать к концу недели?

– Наверное… – жалобно ответил я.

– Тогда позвони и скажи им. Как только закончим, я займусь ужином, а ты сможешь поработать.

Она коснулась пальцем моих губ, чтобы я поджал их, и осторожно провела бритвой вокруг рта. Когда она закончила, я сказал:

– Допей вино, которое осталось в холодильнике. Оно уже несколько дней как открыто – скоро превратится в уксус.

– Я… я не знаю. – Она сомневалась, и я понимал почему.

Я открыл глаза, а она потянулась рукой назад, чтобы намочить полотенце.

– Тесс. – Я приподнял пальцами ее подбородок. – Ты можешь пить в моем присутствии. Я не какой-нибудь алкоголик в завязке.

– Ты прав, но я не хочу тебя смущать. И вообще, не стоит мне пить столько вина. Если ты не пьешь, то и мне не нужно.

– Моя проблема не в алкоголе. Вот если я зол и пьян – это проблема.

– Я знаю, – вздохнула она.

Она действительно знала.

Она провела мокрым полотенцем по моему лицу, стирая остатки крема для бритья.

– Я веду себя как засранец, только когда пытаюсь при помощи алкоголя справиться с трудностями, а в последнее время никаких трудностей не было, так что все в порядке. – Даже я понимал, что это не дает твердых гарантий. – Я не хочу быть одним из тех типов вроде моего отца, которые напиваются в лоскуты и становятся опасны для окружающих. А раз ты, как выяснилось, единственный дорогой для меня человек, я больше не желаю пить, находясь рядом с тобой.

– Я тебя люблю, – просто ответила она.

– И я тебя люблю.

Испортив невероятно серьезный момент, тем более что мне не хотелось развивать эту тему, я опустил взгляд на ее

тело. Тесса все еще сидела на раковине, и на ней была одна из моих белых футболок, под которой скрывались только черные трусики.

– Пожалуй, мне не стоит тебя отпускать, раз теперь ты умеешь еще и брить. Ты готовишь, убираешь…

Она стукнула меня и закатила глаза.

– А что мне от этого будет? Ты неряха, помогаешь готовить только раз в неделю, если повезет. По утрам всегда угрюмый…

Я прервал ее, положив руку между ее ног и сдвинув в сторону трусики.

– Хотя кое-что у тебя получается хорошо, – ухмыльнулась она, и я скользнул внутрь нее пальцем.

– Только «кое-что»? – Я добавил еще один палец, и она, застонав, откинула голову назад.

Бармен хлопает рукой по стойке прямо перед моим носом.

– Я спрашиваю, вам повторить?

Моргнув несколько раз, я опускаю глаза на барную стойку, затем смотрю на него.

– Да. – Я пододвигаю к нему стакан, и, пока жду очередную порцию, воспоминание меркнет. – Еще один двойной.

Старый лысый бармен отворачивается к полкам, и в этот момент я слышу, как женский голос удивленно произносит:

– Хардин? Хардин Скотт?

Обернувшись, я вижу смутно знакомое лицо Джуди Уэлч,

давней маминой подруги. Вернее, бывшей подруги.

– Ага, – киваю я, отмечая, что годы ее не пощадили.

– Черт! Сколько уже прошло… лет шесть? Семь? Ты здесь один? – Опираясь на мое плечо, она взгромождается на соседний барный стул.

– Да, около того, и да, я тут один. Моя мама не будет тебя преследовать.

У Джуди несчастное лицо женщины, которая всю жизнь слишком много пила. У нее такие же крашеные светлые волосы, как и раньше, когда я был еще подростком, а силиконовая грудь кажется слишком крупной для такого стройного телосложения. Я помню, как она дотронулась до меня в первый раз. Трахаясь с подругой матери, я чувствовал себя мужчиной. А теперь, глядя на нее, понимаю, что не вставил бы в нее даже член лысого бармена.

– Ты так повзрослел, – подмигивает она.

Передо мной появляется выпивка, и я опустошаю стакан за пару секунд.

– Как всегда разговорчив. – Она снова похлопывает меня по плечу и говорит бармену, что ей налить. – Пришел утопить свои беды в алкоголе? Проблемы в личной жизни?

– Ни то, ни другое. – Я верчу стакан в руках, прислушиваясь к стуку льдинок о стекло.

– Ну а я пришла, чтобы залить и свои беды, и свои проблемы. Так что давай-ка мы с тобой выпьем, – говорит Джуди с улыбкой, памятной мне по далекому прошлому, и зака-

зывает нам по порции дешевого виски.

Глава 5
Тесса

Кимберли так кричит по телефону на Кристиана, что после разговора ей приходится остановиться и перевести дыхание. Она кладет руку мне на плечо.

– Надеюсь, Хардин гуляет, чтобы проветрить голову. Кристиан сказал, что просто дал ему возможность успокоиться, – со вздохом неодобрения говорит она.

Но я знаю Хардина, и мне известно, что он «проветривает голову» не с помощью обычной прогулки. Я снова пробую ему дозвониться, но тут же попадаю на голосовую почту. Он и вовсе отключил телефон.

– Как думаешь, он придет на свадьбу? – смотрит на меня Ким. – Ну, чтобы закатить скандал?

Мне хочется ответить, что он не станет этого делать, но, учитывая, как давит на него вся ситуация, полностью отвергать такую возможность нельзя.

– Поверить не могу, что вообще предлагаю такое, – тактично говорит Кимберли, – но, может, тебе все-таки стоит пойти на свадьбу, чтобы по крайней мере не дать ему все испортить? К тому же он наверняка пытается тебя найти, и, если никто не отвечает на звонки, там он, скорее всего, и начнет искать.

От мысли, что Хардин заявится в церковь, мне становится дурно. Но я эгоистично надеюсь, что он все же придет туда, иначе у меня совсем не останется шансов его отыскать. Его телефон отключен, и я с беспокойством думаю, хочет ли он вообще, чтобы его нашли?

– Наверное. Может, мне постоять снаружи, у входа? – отвечаю я.

Кимберли одобрительно кивает, но напрягается, когда на парковку заезжает блестящий черный БМВ и останавливается рядом с ее арендованной машиной.

Появляется Кристиан – в костюме.

– Есть новости?

Подойдя к нам, он наклоняется, чтобы поцеловать Кимберли в щеку – видимо, по привычке, но она отстраняется прежде, чем его губы касаются ее кожи.

– Прости, – шепчет он.

Покачав головой, она поворачивается ко мне. Я переживаю за нее, Кимберли не заслуживает предательства. Хотя, видимо, так и бывает: предают тех, кто этого не ожидает и не заслуживает.

– Тесса пойдет с нами и будет высматривать Хардина у церкви, – начинает объяснять она. Затем ловит взгляд Кристиана. – Чтобы уж наверняка никто не испортил этот знаменательный день, пока мы все будем внутри.

В ее голосе слышна злость, но она не дает воли чувствам.

Кристиан смотрит на невесту, качая головой.

– Мы не едем на эту чертову свадьбу. Только не после всего этого дерьма.

– Почему нет? – спрашивает Кимберли, смерив его убийственным взглядом.

– Из-за всего случившегося… – Вэнс показывает на нас двоих. – И еще потому, что оба моих сына намного важнее любой свадьбы, и в особенности этой. Вряд ли, находясь с ней в одном помещении, ты будешь спокойно сидеть и улыбаться.

Его слова удивляют, но в то же время хотя бы немного успокаивают Кимберли. Я молча наблюдаю. Кристиан впервые назвал Хардина и Смита своими «сыновьями», и это сбивает с толку. Я хотела бы столько сказать этому человеку, бросить ему в лицо столько полных ненависти слов, но знаю, что не стоит. Лучше от этого не станет, а мне нужно сосредоточиться на том, как найти Хардина, и попытаться представить, как он справляется с новостями.

– Люди станут болтать. Особенно Саша, – хмурится Кимберли.

– Мне плевать на Сашу, на Макса – на всех. Пусть болтают. Мы живем в Сиэтле, а не в Хэмпстеде.

Он протягивает руки и сжимает ее ладони. Она не противится.

– Для меня сейчас главное – исправить ошибки, – говорит он дрожащим голосом.

Холодная ярость, которую я ощущаю по отношению

к нему, начинает рассеиваться, но только слегка.

– Не нужно было выпускать Хардина из машины, – говорит Кимберли, не отнимая своих рук у Кристиана.

– Вряд ли получилось бы его остановить. Ты же знаешь Хардина. А кроме того, у меня заклинило ремень безопасности, и я не увидел, куда он пошел… Черт возьми! – восклицает он, и Кимберли осторожно кивает, соглашаясь.

Наконец я чувствую, что пора бы и мне заговорить:

– Как думаете, куда он отправился? Если он не появится на свадьбе, где мне его искать?

– Ну, я только что проверил оба бара, которые точно открыты так рано, – хмурится Вэнс. – На всякий случай.

Когда он смотрит на меня, выражение его лица смягчается.

– Теперь я понимаю, что не стоило его уводить и говорить с ним наедине. Это была огромная ошибка. Ему сейчас нужна именно ты.

Не в состоянии ответить Вэнсу что-то хоть более-менее вежливое, я просто киваю и достаю из кармана телефон, чтобы еще раз набрать Хардину. Знаю, что его телефон окажется выключенным, но я должна попробовать.

Пока я звоню, Кимберли и Кристиан держатся за руки и молча пытаются рассмотреть что-то в глазах друг друга.

– Церемония начнется через двадцать минут. Если хочешь, могу тебя подвезти, – говорит Кристиан, когда я нажимаю отбой.

Кимберли отмахивается.

– Я сама ее отвезу. А ты бери Смита и возвращайся в отель.

– Но… – начинает он, но, заметив выражение ее лица, разумно решает не продолжать. – Ты ведь приедешь потом к нам? – В его глазах страх.

– Да, – вздыхает она. – Я не собираюсь бежать из страны.

Паника Кристиана сменяется облегчением, и он отпускает руки Кимберли.

– Будь осторожна и позвони, если что-нибудь понадобится. Ты знаешь, где находится церковь?

– Да. Дай мне свои ключи, – протягивает она руку. – Смит уснул, и я не хочу его будить.

Я мысленно аплодирую ее стойкости. На месте Кимберли я бы совсем растерялась. Я и так сейчас растеряна – внутренне.

Не прошло и десяти минут, как Кимберли уже высаживает меня у маленькой церкви. Большинство гостей уже внутри, всего несколько отставших еще поднимаются по ступенькам. Я сажусь на скамейку и смотрю по сторонам, чтобы не пропустить Хардина.

Отсюда мне слышно, как начинает играть свадебный марш. Я представляю, как Триш в белом платье идет по проходу к жениху. Она улыбается. Она счастлива и красива.

Но Триш в моем воображении не похожа на мать, которая

способна скрыть от единственного сына, кто его настоящий отец.

Последние гости заходят внутрь, чтобы увидеть, как сочетаются браком Триш и Майк, и на ступеньках никого не остается. Время идет, и я слышу почти каждый звук, доносящийся из маленькой церкви. Полчаса спустя под радостные возгласы гостей жениха и невесту объявляют мужем и женой, и я понимаю, что пора уходить. Не знаю, куда пойду, но нельзя просто сидеть здесь и ждать. Скоро Триш выйдет из церкви, а последнее, чего мне сейчас недостает, – это ссора с новобрачной.

Я направляюсь в ту сторону, откуда мы приехали. По крайней мере, мне так кажется. Точно не помню, но все равно особо некуда идти. Снова достаю телефон и набираю Хардину, но он по-прежнему недоступен. Мой мобильный наполовину разряжен, но я не хочу его отключать – вдруг Хардин позвонит.

Продолжая поиски, я бесцельно брожу по району и время от времени заглядываю в бары. Солнце в лондонском небе начинает клониться к закату. Нужно было попросить у Кимберли одну из взятых напрокат машин, но в тот момент я не могла мыслить ясно, а у нее и так своих забот полон рот. Машина Хардина до сих пор стоит у бара «Гэбриэлз», но у меня нет запасного ключа.

С каждым шагом к другой части города красота и изящество Хэмпстеда сходят на нет. У меня болят ноги, весенний

воздух с заходом солнца становится все холоднее. Не стоило надевать платье и эти дурацкие туфли. Знай я, чем сегодня все обернется, выбрала бы спортивный костюм и кроссовки – так легче было бы искать Хардина. В будущем, если я снова куда-нибудь с ним поеду, это будет моя стандартная одежда.

Спустя некоторое время я уже не в состоянии понять, играет разум со мной злую шутку или улица, на которую я забрела, действительно знакома. Вдоль нее выстроились такие же домики, как на улице Триш, но, когда Хардин вез нас сюда, я дремала, да и себе сейчас не доверяю. Хорошо, что вокруг в основном пусто. Похоже, все местные жители уже дома. Если бы сейчас народ только начал расходиться из баров, моя паранойя зашкалила бы. Я едва не плачу от облегчения, когда вижу вдалеке дом Триш. Уже стемнело, но горят фонари, и, подходя ближе, я все больше убеждаюсь, что это действительно ее дом. Не знаю, там ли Хардин, но, если нет, надеюсь, что хотя бы дверь не заперта и я смогу зайти и попить воды. Я часами бесцельно колесила по городу. Повезло, что в итоге я оказалась на единственной улице, которая может быть мне хоть чем-то полезна.

Я подхожу ближе к дому Триш, и мое внимание привлекает светящаяся вывеска – потрескавшаяся, в форме пивной бутылки. Небольшой бар приткнулся между жилым домом и переулком. По спине пробегает дрожь. Наверное, Триш было нелегко остаться жить здесь, рядом с баром, откуда

пришли солдаты, которые искали Кена и напали на нее. Хардин как-то сказал, что она просто не могла позволить себе переехать. То, как он отмахнулся от проблемы, удивило меня. Но, к сожалению, когда не хватает денег, еще и не такое бывает.

Вот где он сейчас, думаю я.

Я открываю железную дверь маленького бара и тут же смущаюсь из-за своего наряда. Заходя в подобное место в платье и босиком, с туфлями в руках, я выгляжу как сумасшедшая. Туфли я сняла час назад. Бросаю их на пол и снова надеваю, вздрагивая от боли, когда ремешки впиваются в мозоли на лодыжках.

Народу в баре немного, и, оглядевшись, я тут же замечаю Хардина: он сидит за барной стойкой и подносит к губам стакан. Сердце у меня замирает. Хотя я и знала, что найду его в таком состоянии, сейчас моя вера в него пошатнулась. Я всей душой надеялась, что он не станет заливать боль алкоголем. Прежде чем подойти к нему, я делаю глубокий вдох.

– Хардин, – хлопаю я его по плечу.

Он поворачивается ко мне на стуле, и при виде его внутри у меня все переворачивается. Глаза у него налились кровью, глубокие красные прожилки так расчертили белки, что от них почти ничего не осталось, щеки горят. Запах алкоголя настолько сильный, что я почти чувствую его вкус. У меня начинают потеть ладони, пересыхает во рту.

– Смотрите, кто пришел, – бормочет Хардин.

В его стакане выпивка плещется на самом донышке, и меня передергивает, когда я замечаю на стойке перед ним еще три пустых стакана.

– Как ты вообще меня нашла? – Он откидывает голову и проглатывает остатки виски, а затем кричит человеку за барной стойкой: – Повторить!

Я подхожу так близко, что мое лицо замирает прямо перед лицом Хардина. Он не может отвернуться.

– Малыш, ты в порядке? – Конечно, он не в порядке, но я не знаю, как себя вести, пока не пойму, в каком он настроении и сколько выпил.

– Малыш, – загадочно повторяет он, словно думая в этот момент о чем-то другом. Но потом возвращается к реальности и одаривает меня убийственной улыбкой. – Да-да, я в порядке. Садись. Хочешь выпить? Давай, выпей. Бармен, еще один!

Человек за барной стойкой смотрит на меня, и я качаю головой, отказываясь. Ничего не замечая, Хардин придвигает еще один стул и похлопывает по сиденью. Я осматриваюсь в небольшом баре, а затем забираюсь на барный стул.

– Так как ты меня нашла? – снова спрашивает он.

Его манера беспокоит меня и сбивает с толку. Он явно напился, но меня волнует не это, а пугающее спокойствие в его голосе. Мне знаком этот тон, и обычно он не предвещает ничего хорошего.

– Я несколько часов бродила по округе и наконец узнала

дом твоей мамы через дорогу. И поняла… ну, поняла, что надо искать здесь. – Я вздрагиваю, вспоминая рассказы Хардина: Кен проводил все вечера в этом самом баре.

– Мой маленький детектив, – нежно говорит Хардин, протягивая руку и заправляя выбившийся локон мне за ухо. Несмотря на растущее беспокойство, я не дергаюсь и не отстраняюсь.

– Пойдем со мной? Давай переночуем в отеле, а утром уедем.

Бармен подает ему стакан, и Хардин с серьезным видом смотрит на выпивку.

– Пока нет.

– Пожалуйста, Хардин. – Я ловлю его налитый кровью взгляд. – Я очень устала и знаю, что ты тоже устал.

Я пытаюсь использовать против него свою слабость, не упоминая ни Кристиана, ни Кена. Придвигаюсь ближе.

– У меня дико болят ноги, и я так соскучилась по тебе. Кристиан пытался тебя найти, но не смог. Я уже целую вечность на ногах и очень хочу вернуться в отель. Вместе с тобой.

Я знаю его слишком хорошо и поэтому уверена: если стану сильно давить своей болтовней, он сорвется, и его спокойствие исчезнет в один миг.

– Он плохо старался. Я начал пить, – Хардин поднимает свой стакан, – в баре прямо напротив того места, где он меня высадил.

Я наклоняюсь к нему, но он начинает говорить прежде, чем я успеваю сообразить, что ответить:

– Выпей. Тут моя знакомая, она тебя угостит. – Он машет рукой в сторону полки со стаканами. – Мы столкнулись с ней в том другом отличном заведении, но затем, раз уж вечер стал походить на привет из прошлого, я решил, что нужно перебраться сюда. Тряхнуть стариной.

Внутри у меня все обрывается.

– Знакомая?

– Давняя подруга семьи.

Он кивком указывает на женщину, выходящую из туалета. Ей около сорока, может, сорок с небольшим. Крашеные светлые волосы. Это не какая-нибудь молоденькая девица, и меня накрывает волна облегчения, ведь Хардин, видимо, пьет с ней весь вечер.

– Я правда думаю, что нам лучше уйти, – не отстаю я и тянусь к его ладони.

Он отдергивает руку.

– Джудит, это Тереза.

– Джуди, – поправляет она.

– Тесса, – одновременно говорю я. – Приятно познакомиться.

Я выдавливаю улыбку и снова поворачиваюсь к Хардину.

– Пожалуйста, идем, – упрашиваю я.

– Джуди знала, что моя мать – шлюха, – говорит Хардин, и меня снова обдает запахом виски.

– Я этого не говорила, – смеется она.

Эта женщина одета не по возрасту: топ с глубоким вырезом и чересчур обтягивающие расклешенные джинсы.

– Еще как сказала. Моя мама ненавидит Джуди! – улыбается Хардин.

– Хочешь узнать, почему? – улыбается в ответ странная женщина.

Такое ощущение, что мне рассказывают шутку, понятную только им двоим.

– Почему? – спрашиваю я, не подумав.

Хардин бросает на нее предостерегающий взгляд и отмахивается от моего вопроса. Я изо всех сил сдерживаюсь, чтобы не столкнуть его со стула. Не знай я, что он всего лишь пытается заглушить боль, так бы и поступила.

– Долгая история, куколка. – Джуди подзывает бармена. – В любом случае, судя по твоему виду, тебе не помешает немного текилы.

– Нет, не стоит. – Пить мне точно не хочется.

– Расслабься, детка. – Хардин наклоняется ближе. – Это не ты только что узнала, что вся твоя жизнь – чертова ложь. Так что расслабься и выпей со мной.

Мне больно за него, но алкоголь – не выход. Нужно вытащить его отсюда. Прямо сейчас.

– Замороженная «Маргарита» или со льдом? Тут тебе не какой-нибудь шикарный ресторан, выбор небольшой, – говорит Джуди.

– Я же сказала, черт возьми, что не буду пить, – рявкаю я.

У нее округляются глаза, но она быстро берет себя в руки. Я удивлена своей вспышкой не меньше, чем она. Слышу, как Хардин посмеивается, но не отвожу взгляда от этой женщины, которая явно наслаждается своими секретами.

– Ну ладно. Кому-то явно надо успокоиться.

Покопавшись в своей огромной сумке, она достает пачку сигарет и зажигалку и закуривает.

– Будешь? – Она предлагает сигарету Хардину.

Я смотрю на него, и он, к моему изумлению, кивает. Джуди тянется к нему за моей спиной и подает зажженную сигарету. Кто, черт возьми, эта женщина?

Отвратительная дымящаяся палочка оказывается между губ Хардина, он затягивается. Вокруг нас кружатся облачка дыма, и я, зажав рукой рот и нос, бросаю на него сердитый взгляд.

– С каких пор ты куришь?

– Я всегда курил. Пока не поступил в университет.

Он делает еще одну затяжку. Красный огонек на кончике сигареты меня бесит. Я выхватываю сигарету у Хардина изо рта и бросаю ее в его полупустой стакан.

– Какого черта? – кричит он, глядя на испорченную выпивку.

– Мы уходим. Сейчас же.

Я слезаю с барного стула, хватаю Хардина за рукав и тащу за собой.

– Нет, не уходим.

Он вырывается и пытается подозвать бармена.

– Он не хочет уходить, – поддакивает Джуди.

Во мне закипает гнев: эта женщина меня просто бесит. Я сердито смотрю в ее насмехающиеся глаза, едва видные за густым слоем туши.

– По-моему, тебя я не спрашивала. Не лезь не в свое дело, найди себе другого собутыльника. Мы уходим! – кричу я.

Она смотрит на Хардина в поисках поддержки, и тогда я понимаю, какая мерзкая история их связывает. «Подруга семьи» не станет так вести себя с сыном знакомой, который вдвое младше ее.

– Я же сказал, что не хочу уходить, – твердит свое Хардин.

Я испробовала все способы, но он меня не слушает. Последняя возможность – сыграть на ревности. Да, это удар ниже пояса, особенно учитывая его состояние, но он не оставил мне выбора.

– Что ж, – говорю я, с напускной внимательностью оглядывая бар, – если ты не отвезешь меня обратно в отель, придется попросить кого-то другого.

Мой взгляд останавливается на самом молодом среди посетителей бара парне, сидящем за столом в компании друзей. Я даю Хардину пару секунд, чтобы ответить, но он молчит, и я делаю шаг в сторону тех парней.

Уже через секунду Хардин хватает меня за руку.

– Нет, черт возьми, никуда ты не пойдешь.

Я разворачиваюсь и замечаю, что, торопясь меня удержать, Хардин опрокинул барный стул, который теперь неуклюже пытается поднять Джуди.

– Тогда отвези меня назад, – отвечаю я, склонив голову набок.

– Я напился, – говорит он, словно это оправдывает все происходящее.

– Вижу. Можно вызвать такси и доехать до «Гэбриэлз», а оттуда доберемся до отеля на одной из тех машин, что взяты напрокат. Я поведу. – Я молюсь про себя, чтобы эта уловка сработала.

Хардин бросает на меня недоверчивый взгляд.

– Уже все продумала, да? – ехидно бормочет он.

– Нет, но оставаться здесь – не вариант, так что либо ты расплачиваешься и увозишь меня отсюда, либо я уеду с кем-то другим.

Он выпускает мою руку из некрепкой хватки и подходит почти вплотную.

– Даже не думай мне угрожать. Я тоже запросто могу уйти с кем-нибудь другим.

Я чувствую болезненный укол ревности, но держу себя в руках.

– Давай, вперед. Иди домой с Джуди. Я знаю, что раньше ты спал с ней. Нетрудно догадаться, – бросаю я ему вызов, выпрямившись во весь рост.

Он переводит взгляд с меня на нее и слегка улыбается.

Я вздрагиваю, и он хмурится.

– Было бы о чем вспоминать. Я уже почти ничего и не помню.

Он пытается успокоить меня, но его слова производят противоположный эффект.

– Ну так что? Кого выбираешь? – спрашиваю я, подняв бровь.

– Вот черт, – бурчит он, затем, пошатываясь, разворачивается к бару, чтобы заплатить за выпивку.

Такое ощущение, что он просто вытаскивает и кладет на стойку все содержимое своих карманов. После того как бармен забирает несколько банкнот, Хардин сует остальные деньги Джуди. Она смотрит на него, потом на меня и слегка обмякает, словно из нее выпустили весь воздух.

– Джуди говорит «пока», – бормочет Хардин, когда мы выходим из бара.

– Не упоминай ее при мне! – едва не взрываюсь я.

– Ты ревнуешь, Тереза? Черт, как же я ненавижу это место, этот бар, этот дом. Кстати! Хочешь посмеяться? Вон там жил Вэнс.

Хардин машет рукой в сторону кирпичного дома рядом с баром. Наверху горит тусклый свет, на подъездной дорожке припаркована машина.

– Интересно, что он делал в ту ночь, когда в наш дом заявились те гребаные солдаты.

Хардин шарит взглядом по земле и вдруг наклоняется.

Прежде чем я успеваю понять, что происходит, он замахивается, держа в руке камень.

– Хардин, не надо! – кричу я и хватаю его за руку.

Камень падает и катится по тротуару.

– Пошло все к черту! – Он собирается потянуться за камнем, но я преграждаю ему дорогу. – К черту эту улицу! К черту этот бар и этот гребаный дом! К черту всех!

Пошатываясь, он выходит на проезжую часть.

– Если ты не дашь мне разрушить этот дом…

Хардин умолкает, и я, скинув туфли, бегу за ним через улицу, во двор дома его детства.

Глава 6
Тесса

Хардин идет к дому, где прошло его мучительное детство. Я спешу за ним босиком и, споткнувшись, падаю на колено в траву, но быстро вскакиваю. Распахивается сетчатая дверь, и я слышу, как Хардин возится с ручкой второй, деревянной двери, а затем начинает раздраженно стучать по ней кулаком.

– Хардин, прошу тебя, поехали обратно в отель, – убеждаю я его, подходя ближе.

Не обращая на меня внимания, он наклоняется, чтобы подобрать что-то у крыльца. Мне кажется, что это запасной ключ, но я быстро понимаю, что ошиблась. Камнем размером с кулак Хардин разбивает стекло в середине двери, просовывает руку внутрь и, к счастью, не задев острых осколков, открывает замок.

Я оглядываю тихую улицу, но, похоже, все в порядке. Никто не заметил нашего вторжения, никто не зажег свет, услышав звук бьющегося стекла. Я молюсь, чтобы Триш и Майк не оказались в доме Майка по соседству, чтобы они провели эту ночь в каком-нибудь шикарном отеле, ведь на роскошный медовый месяц ни у одного из них нет денег.

– Хардин. – Я словно иду по краю пропасти, изо всех сил

стараясь не сорваться. Оступлюсь хоть раз, и мы оба разобьемся.

– В этом чертовом доме не было ничего, кроме мучений, – ворчит он, спотыкаясь о собственные ботинки. Хватается за подлокотник маленького дивана, но все равно падает.

Скользнув взглядом по гостиной, я с радостью отмечаю, что почти вся мебель упакована или уже вынесена. После переезда Триш дом планируют снести.

Прищурившись, Хардин всматривается в диван.

– Вот этот диван… – Прежде чем продолжить, он потирает лоб. – Знаешь, на нем все и случилось. Именно на этом гребаном диване.

Я понимала, что он не в себе, но эти слова только подтвердили его состояние. Несколько месяцев назад Хардин говорил, и я хорошо это помню, что тот диван он сломал. Уверял, мол, ничего не стоило разодрать его на куски.

Я смотрю на диван перед нами: жесткие подушки и отсутствие пятен явно свидетельствуют о том, что он новый. У меня сжимается сердце и из-за этого воспоминания, и из-за опасений, во что выльется сегодняшний настрой Хардина.

Он тут же закрывает глаза.

– Один из моих гребаных отцов мог бы догадаться купить новый.

– Мне так жаль. Я понимаю, что сейчас это для тебя слишком.

Я пытаюсь успокоить его, но он, все так же не обращая

на меня внимания, открывает глаза и идет на кухню. Я держусь в паре шагов позади.

– Где же… – бормочет он и опускается на колени, чтобы заглянуть в ящик под раковиной. – Нашел.

Он вытаскивает бутылку с какой-то прозрачной выпивкой. Мне даже не хочется спрашивать, как она туда попала и кому принадлежала – или принадлежит до сих пор. Хардин вытирает бутылку о свою черную футболку, на ткани остается слой пыли. Судя по всему, бутылка пролежала под раковиной пару месяцев, не меньше.

Он возвращается в гостиную, не зная, что делать дальше, и я иду следом.

– Я знаю, что ты расстроен. Ты имеешь полное право злиться.

Я встаю прямо перед ним, отчаянно пытаясь привлечь его внимание. Он даже не смотрит на меня.

– Но давай вернемся в отель, пожалуйста. – Я тянусь к его руке, но он ее отдергивает. – Прошу, там мы сможем поговорить, и ты немного остынешь. Или ляжешь спать. Что угодно, только, пожалуйста, идем отсюда.

Хардин обходит меня и останавливается у дивана.

– Она лежала здесь… – Он указывает бутылкой на диван. Мои глаза жжет от наворачивающихся слез, но я сдерживаюсь. – И никто, черт возьми, их не остановил. Ни один из этих неудачников.

Он сплевывает и, открутив крышку непочатой бутылки,

прижимает ее к губам, а затем, откинув голову назад, делает глоток.

– Хватит! – кричу я, делая шаг в его сторону.

Я уже готова вырвать у него из рук эту бутылку и разбить ее о кафельную плитку. Лишь бы он больше не пил. Не знаю, сколько еще алкоголя сможет принять его организм, прежде чем он вырубится.

Хардин делает еще один большой глоток и останавливается. Вытерев тыльной стороной ладони пролившиеся капли со рта и подбородка, он ухмыляется и переводит взгляд на меня – впервые с тех пор, как мы зашли в дом.

– Почему? Тоже хочешь?

– Нет… Хотя да, хочу, – лгу я.

– Жаль, Тесси, на двоих не хватит, – бормочет он, поднимая огромную бутылку.

От его слов меня бросает в дрожь – так меня называл отец. В бутылке, должно быть, не меньше литра какого-то пойла – этикетка стерлась и наполовину оторвалась. Интересно, как давно он ее там спрятал? В один из тех одиннадцати дней, худших в моей жизни?

– Уверен, тебе все это нравится.

Я отхожу от него и пытаюсь придумать какой-нибудь план действий. Вариантов не много, и меня начинает охватывать страх. Конечно, он никогда не причинит мне вреда. Но я и понятия не имею, что он может сделать с самим собой. А я совершенно не готова к очередному скандалу. В по-

следнее время я слишком привыкла к Хардину, который худо-бедно контролирует себя: ехидному и иногда угрюмому, но не исполненному ненависти. Этот блеск налитых кровью глаз слишком знаком мне, и я вижу, как в их глубине зарождается злоба.

– Почему это должно мне нравиться? Я терпеть не могу, когда ты такой, и хочу, чтобы ты никогда не испытывал боли, Хардин.

Слегка усмехнувшись, он отводит бутылку в сторону и проливает немного жидкости на диванные подушки.

– Ты знала, что ром – самое легковоспламеняющееся спиртное? – мрачно спрашивает он.

У меня в жилах застывает кровь.

– Хардин, я…

– Это чистый ром. Очень крепкий. – Он продолжает обливать диван, его голос становится неразборчивым, медленным и пугающим.

– Хардин! – повышаю я тон. – Что ты собираешься сделать? Сжечь дом? Это ничего не изменит!

– Тебе лучше уйти. Спички детям не игрушка, – ухмыляется он, отмахнувшись.

– Не разговаривай со мной так!

Я смело, но все же с некоторой опаской протягиваю руку и хватаюсь за бутылку. У Хардина раздуваются ноздри, и он пытается ослабить мою хватку.

– Отпусти. Сейчас же, – цедит он сквозь зубы.

– Нет.

– Тесса, не вынуждай меня.

– Что, Хардин? Подерешься со мной из-за бутылки рома?

Опустив взгляд на бутылку, которую мы тянем в разные стороны, будто канат, он открывает рот от удивления, его глаза округляются.

– Отдай ее мне, – требую я, ухватившись покрепче.

Бутылка тяжелая, и Хардин мне ничуть не уступает, но адреналин зашкаливает, придавая мне сил. Выругавшись под нос, он разжимает пальцы. Я и не ожидала, что он сдастся так легко. Как только он перестает держать бутылку, та выскальзывает из моей руки и падает на пол, ром проливается на старый паркет.

– Оставь все как есть, – говорю я, хотя сама тянусь за бутылкой.

– В чем проблема-то?

Он успевает схватить ее раньше меня и снова льет ром на диван, затем обходит комнату по кругу, оставляя за собой горючий след.

– Эту дерьмовую лачугу все равно снесут. Считай, я делаю новым хозяевам одолжение. – Посмотрев на меня, он легкомысленно пожимает плечами. – Дешевле выйдет.

Я медленно отворачиваюсь от Хардина и лезу в сумку за телефоном. Мигает значок почти разряженного аккумулятора, но я все равно набираю номер единственного человека, который может сейчас помочь.

– Если ты это сделаешь, в дом твоей матери приедет полиция. Тебя арестуют, Хардин, – говорю я, держа телефон в руке. Надеюсь, человек на другом конце линии меня слышит.

– Пошли они на хрен, – бормочет он сквозь зубы. Его пристальный взгляд, прикованный к дивану, пронзает настоящее и проникает в прошлое. – Я до сих пор слышу, как она кричит. Словно раненый зверь. Представляешь, каково было это слышать маленькому мальчику?

Мне больно за Хардина: и за невинного мальчугана, которому пришлось смотреть, как избивают и насилуют его мать, и за терзаемого злобой и болью парня, считающего, что единственный способ избавиться от воспоминаний – это сжечь дом.

– Ты ведь не хочешь сесть в тюрьму? Что тогда будет со мной? Я останусь одна. – Мне плевать на себя, но я надеюсь, что эта угроза заставит его передумать.

Мой прекрасный темный принц внимательно смотрит на меня – похоже, мои слова его смутили.

– Вызови такси. Дойдешь до конца улицы. Я не стану ничего делать, пока ты не уедешь.

Его голос звучит гораздо более внятно, чем должен бы, учитывая количество выпитого. Но я слышу лишь то, что Хардин собирается поставить на себе крест.

– Мне нечем заплатить за такси. – Я демонстративно достаю кошелек и показываю, что в нем только американские деньги.

Зажмурившись, он швыряет бутылку о стену. Она разбивается, но я даже не моргаю. За последние семь месяцев я столько всего насмотрелась и наслушалась, что этим меня не испугаешь.

– Возьми мой гребаный бумажник и уходи отсюда. Уходи. Отсюда. Черт! – Одним движением он вытаскивает бумажник из заднего кармана и бросает его на пол передо мной.

Я подбираю его и кладу в свою сумку.

– Нет. Ты должен пойти со мной, – тихо говорю я.

– Ты совершенство… Ты ведь знаешь об этом?

Он подходит ближе и дотрагивается до моей щеки. Я вздрагиваю от прикосновения, и его прекрасное измученное лицо омрачается.

– Разве ты не знаешь? Что ты совершенство?

Его ладонь пылает жаром, а большой палец начинает поглаживать мою кожу. Я чувствую, что у меня дрожат губы, но сохраняю невозмутимый вид.

– Нет, я не совершенство, Хардин. Никто не идеален, – тихо отвечаю я, глядя ему в глаза.

– Ты идеальна. А я тебя недостоин.

Мне хочется закричать: «Мы что, опять вернулись к этой теме?»

– Я не позволю тебе оттолкнуть меня. Знаю, к чему ты клонишь: напился и пытаешься оправдаться, сравнивая нас. В моей жизни все так же чертовски запутано, как и в твоей.

– Не говори так, – снова хмурится он, запуская вторую

руку мне в волосы. – Подобные слова не должны срываться с таких прекрасных губ.

Он проводит большим пальцем по моей нижней губе, и я не могу не заметить разницы между болью и яростью, горящими в его глазах, и этим легким, нежным прикосновением.

– Я люблю тебя и никуда не уйду, – говорю я в надежде достучаться до его затуманенного разума. Не отрываясь от его лица, стараюсь рассмотреть в глубине его глаз моего прежнего Хардина.

– «Если двое любят друг друга, это не может кончиться счастливо»[1], – спокойно отвечает он.

Сразу узнав фразу, я отвожу взгляд.

– Нечего цитировать мне Хемингуэя, – огрызаюсь я.

«Он что, думал, я не узнаю цитату и не пойму, что у него на уме?»

– Но это правда. Счастливых концов не бывает – по крайней мере, не для меня. Черт, я совсем запутался. – Он убирает руки и отворачивается.

– Нет, это не так! Ты…

– Почему ты со мной возишься? – бормочет он, пошатываясь из стороны в сторону. – Почему всегда пытаешься найти во мне что-то хорошее? Очнись, Тесса! Во мне нет ни хрена хорошего! – кричит он и бьет себя кулаком в грудь. – Я ничтожество! Я облажавшийся кусок дерьма с облажавшимися

---

[1] Цитата из книги Эрнеста Хемингуэя «Смерть после полудня». *(Здесь и далее прим. пер.)*

родителями, у меня крыша давно съехала! Я пытался предупредить тебя, пытался оттолкнуть прежде, чем погубил…

Его голос затихает, и он лезет в карман. Я узнаю сиреневую зажигалку Джуди, которую он прихватил в баре.

Не глядя на меня, Хардин чиркает зажигалкой.

– Мои родители тоже облажались! Боже, да мой отец лечится в клинике! – кричу я.

Я знала, что это случится, знала, что признание Кристиана станет для Хардина последней каплей. Не каждый выдержит такое, а Хардин уже был сломлен.

– Это твой последний шанс уйти отсюда, пока дом не сгорит дотла, – говорит он, не поворачиваясь ко мне.

– Ты сожжешь его вместе со мной? – давлюсь я слезами, совершенно не помня, когда начала плакать.

– Нет.

Он идет через комнату, громко топая ботинками. У меня кружится голова, колет в сердце, и я боюсь, что начинаю терять чувство реальности.

– Иди сюда, – протягивает он мне руку.

– Отдай мне зажигалку.

– Иди ко мне. – Он тянется ко мне обеими руками. Я уже плачу навзрыд. – Пожалуйста.

Я заставляю себя не отзываться на этот привычный жест, как бы ни было больно. Мне хочется броситься в его объятия и увести отсюда. Но это не роман Остин со счастливым концом – в лучшем случае Хемингуэй. И мне ясно, что кроется

за его действиями.

– Отдай мне зажигалку, и тогда мы сможем уйти отсюда вместе.

– У тебя почти получилось убедить меня, что я могу быть нормальным. – Зажигалка по-прежнему опасно зажата в его ладони.

– Никто не может! Никто не нормален, и я не хочу, чтобы ты был таким. Я люблю тебя такого, какой ты есть, люблю тебя и все это. – Я обвожу взглядом гостиную и снова смотрю на Хардина.

– Неправда. Никто не полюбил бы – и никогда не любил. Даже моя собственная мать.

Как только он это произносит, дверь с шумом хлопает о стену, и я, резко вздрогнув, оборачиваюсь на звук. В гостиную врывается Кристиан, и я испытываю невероятное облегчение. Он запыхался и явно в панике. Заметив, в каком состоянии маленькая, залитая ромом комната, он резко останавливается.

– Что за… – Кристиан замолкает, увидев в руке Хардина зажигалку. – Я слышал сирены по дороге. Надо уходить, сейчас же!

– Как ты сюда… – Хардин переводит взгляд с Кристиана на меня. – Ты ему позвонила?

– Конечно! Что еще ей оставалось? Позволить тебе сжечь дом и угодить в тюрьму? – кричит Кристиан.

Хардин начинает размахивать руками, по-прежнему

не выпуская зажигалки.

– Убирайтесь отсюда на хрен! Оба!

Кристиан поворачивается ко мне:

– Тесса, подожди на улице.

Но я непреклонна.

– Нет, я его здесь не оставлю. – Неужели Кристиан еще не понял, что нас с Хардином нельзя разлучать?

– Уходи, – говорит Хардин, делая шаг в мою сторону.

И снова чиркает зажигалкой.

– Уведи ее отсюда, – буркает он Кристиану.

– Моя машина в переулке через дорогу. Иди туда и жди нас, – говорит мне Кристиан.

Повернувшись к Хардину, я вижу, что уставился на белый огонек. Я знаю его достаточно хорошо, чтобы понять: уйду я или нет, он все равно это сделает. Он сейчас слишком пьян и расстроен, чтобы остановиться.

В моей руке оказывается связка холодных ключей.

– Я не допущу, чтобы с ним что-то случилось, – наклоняется ко мне Кристиан.

Пара секунд внутренней борьбы, и я все же сжимаю в руке ключи и, не обернувшись, выхожу из дома. Перебегаю улицу и начинаю молиться, чтобы слышащийся вдалеке звук сирен не приближался.

Глава 7
Хардин

– Ну же! Давай! Давай же! – начинает бурно жестикулировать Вэнс, как только Тесса выбегает на улицу.

О чем это он? И какого черта вообще сюда приперся? Ненавижу Тессу за то, что она ему позвонила. Черт, нет, беру свои слова обратно. Конечно, я ни в коем случае не могу ее ненавидеть, но она просто взбесила меня своим поступком.

– Тебя сюда никто не звал, – отвечаю я, еле ворочая языком. Глаза жжет.

«Где Тесса? Она что, ушла?»

Мне казалось, что да, но теперь что-то засомневался.

«Давно она здесь? И приходила ли вообще? Понятия не имею».

– Давай же, поджигай, – не унимается Вэнс.

– Зачем? Хочешь, чтобы я сгорел вместе с домом?

Перед глазами всплывает картина из прошлого: Кристиан, помоложе, чем сейчас, читает мне, прислонившись к каминной полке в доме моей матери. Он читал мне.

– Почему он читал мне?

«Я что, произнес это вслух? Хрен его знает».

Я возвращаюсь в настоящее, и Вэнс сверлит меня взглядом, словно ожидая чего-то.

– Ну да, тогда сгорят все ошибки твоего прошлого. В том числе и я.

Металл зажигалки уже прожигает кожу на большом пальце, но я упорно продолжаю чиркать колесиком.

– Нет, я хочу, чтобы ты спалил дом. Может, тогда обретешь мир и покой.

Не исключено, что он кричит на меня, но я и вижу-то сейчас с трудом, не говоря уж о том, чтобы оценить громкость его голоса. Неужели он разрешает мне всё тут сжечь?

«А кто сказал, что мне нужно чье-то разрешение?»

– Да кто ты вообще такой, чтобы разрешать мне или запрещать? Тебя вообще никто не спрашивал!

Я подношу зажигалку к подлокотнику дивана и жду, пока он загорится. Жду, пока займется пожар, который уничтожит это место.

Ничего не происходит.

– Я самый настоящий придурок, да? – говорю я человеку, заявившему, что он мой отец.

– Ничего не получится, – отвечает он. Хотя, может, это я сам с собой разговариваю, хрен его знает.

Я дотягиваюсь до старого журнала, лежащего на одной из коробок, и подношу зажигалку к его уголку. Сразу же вспыхивает огонь. Я наблюдаю, как он пожирает страницу за страницей, а затем бросаю журнал на диван. Через секунду диван объят пламенем. Горькие воспоминания сгорают вместе с этим куском дерьма.

Дорожка разлитого рома следующая на очереди. Мои глаза еле успевают следить за танцующими на полу всполохами, приятно пощелкивающими и потрескивающими, словно пытаясь утешить. Краски становятся ярче, огонь бушует все сильнее и яростно набрасывается на то, что еще осталось от комнаты.

– Теперь ты доволен? – спрашивает Вэнс, пытаясь перекричать рев бушующего пламени.

Я не знаю, что ему ответить.

Тессе бы это явно не понравилось. Она бы расстроилась, узнав, что я сжег дом.

– Где она? – спрашиваю я, оглядывая полную дыма, расплывающуюся перед глазами комнату.

Если она здесь и с ней что-то случится…

– Она снаружи, в безопасности, – успокаивает меня Вэнс.

Доверяю ли я ему? Черт, да я его ненавижу. Это он во всем виноват. Неужели Тесса здесь, а он меня обманул?

Затем до меня доходит, что Тесса слишком умна, чтобы остаться в доме. Она уже ушла. Прочь отсюда. Прочь от моего разрушения. Если бы этот человек вырастил и воспитал меня, я бы не стал таким ублюдком. Не причинил бы боли стольким людям, особенно Тессе. Я никогда не хотел причинить ей боль, но все всегда кончается одним и тем же.

– Где ты был? – спрашиваю я.

Мне хочется, чтобы огонь разгорелся сильнее. Так он никогда не сожжет дом полностью. По-моему, где-то у меня

припрятана еще одна бутылка. Мысли путаются, и я никак не могу вспомнить, где именно. Черт, эти жалкие язычки пламени не идут ни в какое сравнение с терзающей меня яростью. Нужно разжечь огонь посильнее.

– Я был с Кимберли в отеле. Давай сваливать, пока не приехали пожарные или пока ты не покалечился.

– Я не об этом. Где ты был в ту ночь? – Комната кружится перед глазами, и я начинаю задыхаться от жара.

Похоже, Вэнс искренне потрясен. Он застывает на месте и поворачивается ко мне с деревянной спиной:

– О чем ты говоришь?! Хардин, меня здесь даже не было! Я был в Америке. Я бы никогда не допустил, чтобы с твоей мамой случилось нечто подобное! Но сейчас, Хардин, пора уходить! – кричит он.

Зачем уходить? Я хочу посмотреть, как сгорит это дерьмо.

– Так или иначе, но это все равно произошло, – говорю я.

Такое чувство, что тело все сильнее наливается тяжестью. Наверное, стоит присесть, но уж если кошмары прошлого снова начали меня терзать, пусть и он страдает.

– Черт, ее избивали, пока она не превратилась в сплошное кровавое месиво. Они насиловали ее снова и снова, все по очереди…

Мою грудь прожигает насквозь, хочется сунуть руки внутрь и выдрать все, что там есть. До того, как я встретил Тессу, жить было намного легче: ничто не могло меня сломить. Даже вся та хрень не причиняла столько боли, сколько

сейчас. Мне удавалось сдерживаться, пока она не заставила меня… не заставила меня понять, какой я подонок. А я никогда не хотел этого понимать, но теперь процесс запущен, и я не в силах его остановить.

– Прости. Прости! Мне очень жаль, что это произошло. Я должен был прийти на помощь.

Я поднимаю глаза и вижу, что Вэнс плачет.

«Черт, да как он смеет рыдать, когда ему даже не пришлось за этим наблюдать? Эта сцена не прокручивалась у него в голове год за годом каждый раз, как он закрывал глаза, чтобы уснуть».

В окна врывается синий свет мигалок, отражаясь в каждом осколке стекла в комнате, и тревожит мой костер. От шума сирен закладывает уши. Боже, они воют как бешеные.

– Уходи! – кричит Вэнс. – Уходи сейчас же! Через заднюю дверь и потом ко мне в машину. Давай же!

Чертов скандалист.

– Да пошел ты.

Я спотыкаюсь, комната вращается все быстрее, вой сирен разрывает барабанные перепонки.

Прежде чем я успеваю его остановить, он хватает меня и волочет мое пьяное тело из гостиной на кухню, а затем выталкивает через заднюю дверь на улицу. Я пытаюсь бороться, но мышцы не слушаются. Холодный воздух пробирает насквозь, кружится голова, и вот моя задница приземляется на асфальт.

– Пройдешь по переулку и сядешь в мою машину, – вроде бы говорит он перед тем как исчезнуть.

Не с первой попытки я поднимаюсь на ноги. Пробую открыть дверь, но она, черт бы ее побрал, заперта. Из дома раздается гул голосов, все кричат, что-то жужжит.

«Какого черта вообще происходит?»

Я достаю из кармана телефон: на экране мерцает имя Тессы. Передо мной выбор: либо найти машину Вэнса и встретиться с ней, либо вернуться в дом, чтобы меня арестовали. Я смотрю на размытое изображение ее лица, и решение приходит само собой.

Понятия не имею, каким образом перейти улицу так, чтобы меня не заметили копы. Экран телефона двоится и дрожит перед глазами, но каким-то чудом мне удается набрать ее номер.

– Хардин, ты в порядке? – плачет она в трубку.

– Забери меня в конце улицы, перед кладбищем.

Я открываю задвижку соседских ворот и нажимаю отбой. По крайней мере не придется идти через двор Майка.

Женился ли он сегодня на маме? Ради его же блага надеюсь, что нет.

«Ты ведь не хочешь, чтобы она провела остаток жизни в одиночестве? Я знаю, ты ее любишь. Она по-прежнему твоя мать», – звенит в голове голос Тессы.

Просто класс, теперь я еще и голоса слышу.

«Я не совершенство, никто не идеален», – напоминает

мне ее сладкий голос.

Она ошибается, очень сильно ошибается. Такая наивная, такая идеальная.

Я прихожу в себя на углу улицы. Кладбище за спиной погружено во тьму, единственный свет – от синих мигалок вдалеке. Пару секунд спустя подъезжает черный БМВ. Тесса останавливается прямо передо мной. Я забираюсь в машину, не проронив ни слова, и едва успеваю закрыть дверь, как она дает газ.

– Куда ехать? – спрашивает она хриплым голосом, пытаясь сдержать слезы, но у нее ничего не получается.

– Не знаю… Здесь не так много… – мои веки тяжелеют, – …мест, куда можно пойти. Сейчас ночь, и уже поздно… Все закрыто…

Я прикрываю глаза и проваливаюсь в никуда.

Меня будят звуки сирен. От их громких завываний я подскакиваю и ударяюсь головой о потолок машины.

«Машина? Какая еще, к черту, машина, что я здесь делаю?»

Оглядевшись по сторонам, вижу Тессу на водительском сиденье, ее глаза закрыты. Она подогнула ноги и свернулась клубочком, как котенок. Голова раскалывается от боли. Вчера я явно перепил.

За окном уже день. Солнце прячется за облаками, небо серое и хмурое. Если верить часам на приборной панели, сей-

час без десяти семь. Я не узнаю место, где мы припарковались, и пытаюсь вспомнить, как вообще оказался в машине.

Больше не слышно ни сирен, ни полицейских машин. Должно быть, они мне приснились. В голове стучит, и, когда я задираю футболку, чтобы вытереть лицо, в ноздри ударяет резкий запах дыма и гари.

В сознании вспыхивают образы горящего дивана и плачущей Тессы.

Я пытаюсь собрать разрозненные обрывки воспоминаний воедино, но все еще пьян.

Рядом шевелится Тесса. Ее ресницы трепещут, и она открывает глаза. Не знаю, что она видела прошлой ночью. Не знаю, что я сделал или сказал, но, судя по ее взгляду, лучше бы я сгорел… вместе с домом. Перед глазами всплывает мамин дом.

– Тесса… – Слов нет. Ни мой разум, ни мой гребаный язык меня не слушаются.

Пробелы в памяти постепенно заполняются: обесцвеченные волосы Джуди, Кристиан, выталкивающий меня через заднюю дверь маминого дома.

– Ты как, в порядке? – спрашивает мягко и хрипло одновременно. Похоже, она практически сорвала голос.

Ее интересует, в порядке ли я?

– Э-э-э, да. А ты? – Поставленный в тупик вопросом, я вглядываюсь в ее лицо.

Из моей памяти исчезла большая часть ночи… Черт, даже

ночи и дня, но я точно знаю, что огорчил ее. Она медленно кивает и тоже всматривается в мое лицо.

– Я пытаюсь вспомнить… Приехали копы… – Я просеиваю возвращающиеся воспоминания через решето памяти. – Горящий дом… А где мы сейчас?

Выглянув в окно, я пытаюсь понять, куда нас занесло.

– Мы… Я не совсем уверена, где мы.

Откашлявшись, она переводит взгляд на лобовое стекло. Видимо, она много кричала. Или плакала. Или и то и другое – она едва может говорить.

– Я не знала, куда ехать. Ты уснул, так что я просто продолжала вести машину. Но очень устала, и в конце концов пришлось припарковаться у обочины.

Ее глаза покраснели и припухли, тушь размазалась, губы высохли и потрескались. Ее с трудом можно узнать, но красота никуда не делась. Это я довел ее до такого состояния.

Я смотрю на нее и вижу, что со щек исчез былой румянец, в потухших глазах нет ни следа надежды, счастье покинуло полные губы. Красивую девушку, которая жила ради других и видела во всем только хорошее, даже во мне, я превратил в пустую оболочку, смотрящую теперь на меня безжизненным взглядом.

– Меня сейчас вырвет.

Горло сжимается, и я резко распахиваю дверцу. Весь выпитый ром, виски, все мои ошибки вырываются на асфальт. А меня все рвет и рвеет, пока внутри не остается ничего,

кроме чувства вины.

Глава 8
Хардин

– Куда мне ехать? – доносится до меня мягкий и хриплый голос Тессы, пока я пытаюсь отдышаться.

– Не знаю.

Я разрываюсь на части. Одна моя половина считает, что лучше ей сесть на ближайший самолет и покинуть Лондон. Одной. Другая же, эгоистичная, которая гораздо сильнее первой, знает: если она улетит, я не продержусь и ночи – снова напьюсь в хлам. В который раз. Во рту привкус рвоты, горло саднит от того, каким жестким способом желудок решил избавиться от своего содержимого.

Достав из бардачка салфетку, Тесса начинает вытирать уголки моего рта. Она едва касается кожи, но меня передергивает от леденящего холода ее пальцев.

– Ты замерзла. Заведи машину.

Я не жду ее согласия. Наклонившись, сам поворачиваю ключ в замке зажигания и ощущаю, как из клапанов начинает течь воздух. Сначала холодный, но в этой дорогущей машине все устроено как надо, и по небольшому салону быстро распространяется тепло.

– Нам нужно заправиться. Не знаю, как долго я вела машину. Индикатор топлива мигает, да и на экране то же са-

мое, – указывает она на навороченный навигационный экран на приборной панели.

Ее голос меня убивает.

– Ты охрипла, – говорю я, хотя это совершенно очевидно. Она кивает и отворачивается. Я беру ее за подбородок и заставляю снова взглянуть на меня. – Если хочешь уехать, я пойму. Прямо сейчас отвезу тебя в аэропорт.

Она озадаченно смотрит меня, прежде чем ответить:

– Ты остаешься? Здесь, в Лондоне? Наш вылет сегодня вечером, и я подумала, что… – Последнее слово больше похоже на писк, и она начинает кашлять.

Я ищу, нет ли в подстаканниках воды или хоть какой-нибудь жидкости, но они пусты.

Кашель не прекращается, и я растираю ей спину, а затем меняю тему.

– Садись на мое место, я поведу, – киваю я в сторону заправочной станции через дорогу. – Тебе нужна вода и что-нибудь для горла.

Я жду, что Тесса пересядет с водительского сиденья, но она, бросив на меня рассерженный взгляд, вместо этого жмет на педаль газа, и машина срывается с места.

– У тебя еще слишком много алкоголя в крови, – шепчет она, стараясь окончательно не сорвать и без того севший голос.

Тут мне возразить нечего. Проспав несколько часов в машине, до конца не протрезвеешь. Я выпил столько, что целая

ночь стерлась из памяти. Голова трещит. Черт, наверное, я еще целый день буду отходить с бодунища. Полдня уж точно. Не угадать. Я даже не помню, сколько выпил…

Мои путаные размышления резко обрываются, как только Тесса, припарковавшись у заправки, протягивает руку к дверце.

– Пойду я, – говорю я и выхожу из машины прежде, чем она успевает возразить.

В такой ранний час народу в магазине немного, одни мужчины, спешащие на работу. Когда Тесса заходит внутрь, я уже стою у кассы с аспирином, бутылками с водой и разными снеками.

Все головы поворачиваются к растрепанной красотке в испачканном белом платье. От взглядов мужчин меня начинает мутить.

– Почему ты не осталась в машине? – спрашиваю я, когда она подходит ближе.

Она машет у меня перед носом каким-то предметом из черной кожи.

– Твой бумажник.

– А-а.

Отдав бумажник, она исчезает, но через секунду возвращается с двумя бумажными стаканами дымящегося кофе.

Я сгружаю товары на стойку у кассы.

– Пока я буду оплачивать, определи наше местоположение по телефону, – прошу я, забирая огромные стаканы из ее

маленьких рук.

– Что?

– Поищи на мобильнике, где мы находимся.

– Аллхаллоус. Вот вы где, – кивает Тессе полный кассир, хватая и встряхивая перед сканированием пузырек с аспирином.

– Спасибо, – вежливо улыбается она в ответ.

Ее улыбка становится шире, и этот засранец заливается румянцем.

«Да, я знаю, она горячая штучка. А сейчас отвернулся быстро, пока я тебе глаза не вырвал, – хочется мне сказать. – А если еще издашь какой-нибудь жуткий звук, когда у меня похмелье, например, снова затрясешь этим гребаным аспирином, тебе конец».

После вчерашней ночи мне не помешает выпустить пар, и я совершенно не в настроении наблюдать, как этот гаденыш пялится на грудь моей девушки в семь утра. Черт возьми, семь утра!

Если бы не ее полный равнодушия взгляд, я бы, наверное, вытащил его из-за стойки. Но ее фальшивая улыбка, темные разводы вокруг глаз и грязное платье прогоняют все мысли о насилии. У нее такой печальный и потерянный вид. Черт, такой потерянный!

«Что я сотворил с тобой?» – мысленно спрашиваю я себя.

Она поворачивает голову к двери: в магазин входят, держась за руки, женщина с ребенком. Она наблюдает за ними,

не упуская ни одного движения, почти на грани приличий. Когда девочка смотрит на мать, нижняя губа Тессы начинает дрожать.

«Что тут, черт возьми, происходит? Неужели это из-за того, что я взбесился по поводу нового члена семьи?»

Кассир упаковал наши покупки и, чтобы привлечь внимание, буквально пихает пакет мне в лицо. Видимо, как только Тесса перестала ему улыбаться, он решил, что может позволить себе хамство.

Я выхватываю пакет и наклоняюсь к ней.

– Готова? – спрашиваю я, слегка подталкивая ее локтем.

– Да, извини, – бормочет она и забирает кофе со стойки.

Я заправляюсь бензином и, подумывая о том, не утопить ли в море арендованную Вэнсом машину, размышляю над последствиями. Если мы в Аллхаллоусе, до побережья рукой подать. Это будет совсем не трудно.

– Далеко отсюда бар «Гэбриэлз»? – спрашивает Тесса, как только я сажусь за руль. – Там припаркована машина.

– Около полутора часов с учетом пробок.

«Машина медленно тонет в океане. Вэнс должен десятки тысяч. Мы можем добраться до бара на такси за пару сотен. Вполне справедливо».

Тесса откручивает крышку пузырька с аспирином и вытряхивает мне на ладонь три таблетки, затем, нахмурившись, смотрит на замигавший экран телефона.

– Хочешь поговорить о том, что произошло? Я только что

получила сообщение от Кимберли.

Сквозь размытые образы и нечеткие голоса прошлой ночи начинают пробиваться к поверхности сознания многочисленные вопросы. Вэнс, заперший дверь и оставивший меня снаружи, бежит обратно в горящий дом…

Тесса не сводит взгляда с экрана телефона, а меня постепенно охватывает чувство тревоги.

– Он же не… – Даже не знаю, как задать вопрос, в горле стоит горький ком.

Тесса смотрит на меня глазами, полными слез.

– Он жив, конечно, но…

– Что? Что с ним?

– Кимберли говорит, что обгорел.

Нежеланная боль пытается просочиться сквозь трещины в моей броне. Трещины, которым я обязан Тессе. Она вытирает слезы тыльной стороной руки.

– Только одна нога. Ким сказала, обгорела только одна нога, и после выписки из больницы его сразу же арестуют. В общем-то, это может случиться в любую минуту.

– Арестуют за что?

Я знаю ответ, прежде чем она успевает открыть рот.

– Он сказал полиции, что это он поджег дом.

Тесса подносит чертов телефон к моему лицу, чтобы я сам прочитал длинное сообщение от Кимберли. Я читаю его целиком: ничего нового, но теперь чувствуется, что Кимберли в ужасе. Я молчу. Мне нечего сказать.

– Так что? – вздыхает Тесса.

– Что?

– Ты ни капельки не беспокоишься об отце?

Поймав мой убийственный взгляд, она добавляет:

– Я о Кристиане.

«Он пострадал из-за меня».

– Ему вообще не нужно было туда соваться.

Тессу потрясает мой ответ.

– Хардин! Этот человек пришел туда, чтобы помочь мне. Чтобы помочь тебе!

– Тесса, я знаю… – прерываю я, чувствуя приближение бури. Но она удивляет меня, вскидывая руку в знак протеста:

– Я не закончила. Не говоря уже о том, что он взял на себя твою вину за поджог, да еще и пострадал! Я люблю тебя и знаю, что сейчас ты его ненавидишь. Но я знаю тебя, настоящего тебя, поэтому не вздумай сидеть и делать вид, что тебе все равно. Я знаю, это не так!

Жестокий приступ кашля прерывает гневную речь, и я подношу к ее губам бутылку с водой.

Пока она справляется с кашлем, я, воспользовавшись моментом, обдумываю ее слова. Она, как всегда, права, но я не готов примириться ни с чем из того, что она сказала. Черт, я не готов признать, что он что-то для меня сделал – не после всех этих лет. Я не готов к тому, чтобы он внезапно занял место моего гребаного отца. Нет, черт возьми. Я не хочу, чтобы кто бы то ни было, и в особенности он, думал, что случивше-

еся может каким-то образом сравнять счет. Мне не забыть о всем том дерьме, которое он пропустил: о вечерах, когда родители орали друг на друга, о том, как каждый раз я сломя голову мчался наверх, заслышав пьяный голос отца. Он все знал, но так ничего и не рассказал.

Нет, черт, нет. Счет неравный и не сравняется никогда.

– Думаешь, если он немного обжег ногу и решил взять вину на себя, я его прощу? – Я провожу рукой по волосам. – Что, я должен вот так взять и простить его за то, что он лгал мне двадцать один чертов год? – Я бессознательно повышаю голос.

– Нет, разумеется, нет! – отвечает Тесса тоже на повышенных тонах. Я волнуюсь за ее связки, но она продолжает в том же духе: – Но я не позволю тебе отмахнуться от его поступка, словно это пустяк. Он готов сесть в тюрьму из-за тебя, а ты ведешь себя так, будто у тебя даже нельзя поинтересоваться его здоровьем. Был ли он с тобой рядом все эти годы, лгал ли, отец или нет, но он любит тебя и прошлой ночью спас твою задницу.

«Черт, вот дерьмо».

– Ты вообще на чьей стороне?

– В данной ситуации нет сторон! – кричит она. Ее голос эхом разносится по маленькому салону и отдается в моей голове, которая раскалывается от боли. – Все на твоей стороне, Хардин. Да, ты чувствуешь себя так, словно против тебя ополчился весь мир, но оглянись вокруг. У тебя есть я,

отец – оба отца, Карен, относящаяся к тебе как к родному, и Лэндон, который любит тебя гораздо сильнее, чем готов признать любой из вас.

Тесса почти улыбается, когда говорит о своем лучшем друге, но продолжает читать мне нотацию:

– С Кимберли тебе, может, и нелегко, но она тоже беспокоится о тебе. А ведь есть еще Смит. Кроме тебя, этому мальчишке совсем никто не нравится.

Она обхватывает мои ладони своими дрожащими руками и начинает нежно поглаживать их большими пальцами.

– Какая ирония судьбы: парень ненавидит весь мир, но им же обожаем и любим, – шепчет она, сверкая глазами, полными слез. Из-за меня. Столько слез, и все – из-за меня.

– Детка. – Я притягиваю ее к себе на сиденье, и она прижимается ко мне, обвивая руками за шею. – Моя самоотверженная девочка.

Я прячу лицо у нее на шее, почти зарывшись в копну растрепанных волос.

– Впусти их в свое сердце, Хардин. Жить станет легче. – Она гладит меня по голове, словно домашнего питомца… но мне это чертовски нравится.

Я прижимаюсь к ней еще сильнее.

– Все не так просто.

У меня саднит горло, и кажется, что я могу дышать, только если вдыхаю ее запах. Он перемешан со слабыми запахами дыма и гари, которые, видимо, впитались в обшивку салона,

но все равно умиротворяет.

– Я понимаю, – отвечает она, продолжая гладить меня по волосам, и мне хочется ей верить.

Почему она всегда так хорошо меня понимает, если я этого совсем не заслуживаю?

Автомобильный гудок вырывает меня из тайного убежища ее волос, и я вспоминаю, что мы до сих пор у заправки. Очевидно, водитель грузовика позади нас не горит желанием подождать хотя бы минуту. Тесса сползает с моих коленей на пассажирское сиденье и пристегивается.

Я собираюсь не двигаться с места просто из вредности, но слышу, как у Тессы урчит в животе, и меняю решение. Когда она ела в последний раз? Судя по тому, что вспомнить не получается, давно.

Отъехав от заправки, я сворачиваю на противоположную сторону улицы, туда, где мы останавливались прошлой ночью.

– Съешь что-нибудь, – говорю я и сую ей в руки злаковый батончик.

Припарковавшись в дальнем конце площадки, ближе к деревьям, включаю обогрев. На дворе весна, но утренний воздух довольно прохладный, и Тесса дрожит от холода. Я обнимаю ее одной рукой, а другой делаю жест, будто предлагаю ей весь мир.

– Можно прокатиться в Хауорт, посмотреть, где жили сестры Бронте. Я мог бы показать тебе торфяники.

К моему удивлению, она смеется.

– Что? – поднимаю я бровь, откусывая кусочек бананового маффина.

– После такой ночки… кхе, – откашливается она, – ты хочешь свозить меня на торфяники? – Она качает головой и тянется к горячему кофе.

Пожав плечами, я продолжаю задумчиво жевать.

– Не знаю…

– Долго туда ехать? – Она спрашивает с куда меньшим энтузиазмом, чем я рассчитывал.

Если бы эти выходные не обернулись полным дерьмом, скорее всего она обрадовалась бы больше. Я обещал свозить ее и в Чотон, но торфяники больше соответствуют моему сегодняшнему настроению.

– Часа четыре.

– Далековато, – задумчиво роняет она и отпивает кофе.

– Я думал, ты не прочь прокатиться. – Мой тон становится жестче.

– Ну да, не прочь…

Теперь я точно знаю: что-то в моем предложении ее тревожит. Черт возьми, когда я перестану создавать проблемы для этих серых глаз?

– Тогда чего ты ноешь по поводу поездки? – Я доедаю маффин и принимаюсь за следующий.

Она выглядит немного обиженной, но ее голос по-прежнему мягкий и хриплый:

– Мне просто интересно, почему ты так стремишься в Хауорт. – Она заправляет прядку за ухо и глубоко вздыхает. – Хардин, я достаточно хорошо тебя знаю, чтобы понимать, когда ты на чем-то зацикливаешься или что-то от меня скрываешь.

Потом отстегивает ремень безопасности и поворачивается ко мне всем телом.

– Твое желание съездить со мной на торфяники, вдохновившие Бронте на создание «Грозового перевала», а не в какое-нибудь место из романа Остин только еще больше выводит меня из себя.

Она видит меня насквозь.

«Как ей это удается?»

– Нет, – лгу я, – просто я подумал, что тебе пришлись бы по душе торфяники и поместье Бронте. Вот и все.

Я закатываю глаза, избегая ее взгляда и не желая признавать ее правоту.

Она вертит в руках нераспечатанный батончик.

– Пожалуй, нет, мне не хочется туда ехать. Я хочу просто вернуться домой.

Глубоко вздохнув, я забираю у нее батончик и разрываю обертку.

– Тебе нужно что-нибудь съесть. У тебя такой вид, словно ты вот-вот упадешь в обморок.

– Я так себя и чувствую, – тихо отвечает она, скорее себе, чем мне.

Я уже решаю накормить ее насильно, но она все-таки берет батончик и откусывает от него маленький кусочек.

– Значит, хочешь домой? – в конце концов спрашиваю я, не уточняя, что она имеет в виду под словом «дом».

– Твой отец был прав. Лондон не такой, каким я его представляла, – кривится она.

– Я все испортил, в этом дело.

Она не возражает, но и не подтверждает. Ее молчание и отсутствующий взгляд, устремленный на деревья, заставляют меня сказать то, что я должен. Сейчас или никогда.

– Думаю, мне нужно остаться здесь ненадолго… – говорю я в пространство.

Тесса перестает жевать и поворачивается ко мне, прищурив глаза:

– Почему?

– Потому что возвращаться сейчас бессмысленно.

– Наоборот, бессмысленно оставаться здесь. Как тебе такое вообще пришло в голову?

Ее чувства задеты, как я и предполагал, но разве у меня есть выбор?

– Дело в том, что мой отец – на самом деле не мой отец, моя мать – лгунья, – я сдерживаюсь, чтобы не назвать ее словцом покрепче, – а мой биологический отец вот-вот угодит в тюрьму, потому что я поджег ее дом. Довольно забавный сериальчик.

Пытаясь вызвать хоть какую-то ответную реакцию, я

с сарказмом добавляю:

– Для полного успеха осталось только провести кастинг среди разряженных молоденьких девиц с вызывающим макияжем.

Ее глаза изучают мои:

– Я так и не поняла, что из вышеперечисленного заставляет тебя задержаться. Здесь, а значит, вдали от меня, ты ведь этого хочешь? Хочешь быть подальше от меня. – Последнюю фразу она проговаривает так, будто слова, произнесенные вслух, автоматически становятся правдой.

– Нет, вовсе не так… – начинаю я, но замолкаю. Не знаю, как выразить мысли словами – моя вечная гребаная проблема. – Мне тут подумалось, что, если мы некоторое время побудем на расстоянии друг от друга, ты поймешь, как я на тебя влияю. Просто взгляни на себя.

Она вздрагивает, но я заставляю себя говорить дальше:

– На тебя валятся проблемы, которых, не будь ты со мной, никогда бы не было.

– Не смей делать вид, будто это все ради меня, – огрызается она ледяным тоном. – Ты сам разрушаешь себя, как только возникают трудности, и это твоя единственная отговорка.

«Я знаю. Знаю, кто я».

Я причиняю боль другим, а затем причиняю боль себе, прежде чем кто-нибудь из них успеет сделать то же самое в обратку. Тупой идиот. Но ничего не могу с этим поделать.

– Знаешь, что? – говорит она, устав ждать ответа. – Хоро-

шо, я позволю тебе причинить боль нам обоим в этой твоей саморазрушительной…

Не успевает она закончить, как мои руки оказываются на ее бедрах, а она сама – у меня на коленях. Царапаясь, Тесса пытается слезть с меня, но я крепко ее держу, не позволяя сдвинуться ни на сантиметр.

– Если не хочешь быть со мной, оставь меня в покое, – шипит она.

Слез нет, только злость в глазах. С ее злостью я могу справиться, это не слезы, которые меня просто убивают. Злость их осушает.

– Перестань бороться со мной.

Я хватаю и завожу за спину ее запястья, удерживая их одной рукой. Ее глаза предостерегающе сверкают.

– Тебе не придется делать это каждый раз, когда тебя что-нибудь расстраивает! Не придется решать, что я слишком хороша для тебя! – кричит она мне в лицо.

Не обращая внимания на крики, я целую ее в изгиб шеи. Ее тело снова содрогается, но на этот раз от удовольствия, а не от гнева.

– Прекрати, – неубедительно просит она.

Думая, что должна это сделать, она пытается меня оттолкнуть. Но мы оба знаем: именно это нам и нужно. Физическая близость, ведущая к такой эмоциональной глубине в отношениях, что ни один из нас не может ни объяснить ее, ни отказаться от нее.

– Я люблю тебя, ты ведь знаешь, что люблю.

Я посасываю и покусываю нежную кожу у основания ее шеи, наблюдая, как та розовеет от прикосновения моих губ. И продолжаю до тех пор, пока на коже не появляются следы, но не особенно усердствую, чтобы через несколько секунд они пропали.

– По твоему поведению не скажешь.

Ее голос становится напряженным, а глаза неотрывно следят за моей свободной рукой, скользящей по ее обнаженному бедру. Платье собралось складками на талии, и это сводит меня с ума еще больше.

– Все, что я делаю, – из любви к тебе. Даже всякую глупую ерунду.

Я сдвигаю в сторону ее кружевные трусики, и у нее вырывается изумленный вздох, когда я провожу пальцем по увлажненной ложбинке между ее бедер.

– Всегда хочешь меня, даже сейчас.

Я стягиваю с нее трусики и двумя пальцами ласкаю влажную плоть. Вскрикнув, она выгибает спину и упирается в руль, и я чувствую, как ее тело расслабляется. Отодвигаю кресло назад, чтобы было больше места в маленькой машине.

– Тебе не удастся отвлечь меня…

На мгновение я убираю пальцы, а затем снова резко погружаю их внутрь, заставляя ее замолчать прежде, чем с губ сорвутся очередные слова.

– Нет, детка, удастся, – шепчу я ей на ухо. – Перестанешь драться, если отпущу руки?

Она кивает. Секунду спустя ее пальцы зарываются в мои волосы, и я одной рукой стягиваю верхнюю часть ее платья до талии.

Несмотря на цвет невинности, белый кружевной лифчик вызывает греховное вожделение. Тесса, ее светлые волосы и белый комплект нижнего белья составляют контраст с моими темными волосами и одеждой. Есть что-то чертовски эротичное в этом контрасте: татуировка на моем запястье, мраморная кожа ее бедер. Мои пальцы проникают все глубже, ее тихие стоны и всхлипы наполняют воздух, а мои глаза бесстыдно блуждают от ее плоского живота к груди и обратно.

Я отвожу взгляд от ее безупречной груди, чтобы проверить парковку. Окна в машине тонированы, но мне хочется убедиться, что на этой стороне улицы больше никого нет. Одной рукой я расстегиваю ее лифчик, а другой немного замедляю ласки. Она протестующе вскрикивает, но я даже не прячу улыбку.

– Пожалуйста, – умоляет она, желая, чтобы я продолжал.

– Пожалуйста, что? Скажи мне, чего ты хочешь, – упрашиваю я, как всегда делал это с самого начала наших отношений.

Мне всегда казалось, что, пока она не выскажется вслух, ее желание притворно. Она никак не могла хотеть меня

так же сильно, как хотел ее я. Тесса берет мою руку и кладет ее обратно между своих ног.

– Прикасайся ко мне.

Она хочет, жаждет меня, нуждается во мне, и я люблю ее больше, чем она может себе представить. Мне это нужно – нужно, чтобы она отвлекала меня, чтобы помогала избавиться от всего этого дерьма – хотя бы ненадолго.

Я даю ей желаемое. Она стонет и зовет меня по имени, закусывая губы. Ее рука, проскользнув под моей, сжимается на моих джинсах. Я так возбужден, что это причиняет боль. Прикосновения и поглаживания Тессы уже не помогают.

– Я хочу войти в тебя сейчас, не могу больше.

Я провожу языком по ее груди. Она кивает и закатывает глаза, а я начинаю посасывать чувствительный сосок, свободной рукой потирая его брата-близнеца.

– Хар… дин, – выдыхает она.

Ей уже не терпится сорвать с меня джинсы и трусы. Я приподнимаюсь, чтобы она могла стянуть джинсы с моих бедер. Мои пальцы по-прежнему двигаются у нее внутри, достаточно медленно, чтобы сводить ее с ума. Я вынимаю и подношу их к ее припухшим губам. Она облизывает их, ее язык скользит вверх-вниз, и я, застонав, поспешно отстраняюсь, чуть не кончив. Приподняв за бедра, я опускаю ее на себя.

Мы одновременно стонем, отчаянно нуждаясь друг в друге.

– Мы должны быть вместе, – говорит она, притягивая ме-

ня за волосы, пока наши губы не оказываются на одном уровне. Чувствует ли она трусливое «прощай» в моем дыхании?

– Нам придется расстаться, – отвечаю я, а она начинает двигать бедрами.

«Черт».

Тесса медленно приподнимается:

– Я не буду заставлять тебя хотеть меня. Не буду.

Я начинаю паниковать, но все мысли исчезают, как только она медленно опускается обратно, а затем снова скользит вверх, продолжая пытку. Она наклоняется вперед, чтобы поцеловать меня, и ее язык касается моего. Она перехватывает контроль.

– Я хочу тебя, – выдыхаю я ей в рот. – Всегда хочу тебя, и ты это знаешь.

Она ускоряет темп, и из моей груди вырывается глухой стон. Черт, она смерти моей хочет.

– Ты бросаешь меня.

Ее язык скользит по моей нижней губе, а я тянусь вниз, туда, где сливаются наши тела, и смыкаю пальцы на ее набухшем клиторе.

– Люблю тебя, – говорю я, не в состоянии подобрать других слов, и заставляю ее замолчать, потирая и нежно сжимая чувствительный бугорок.

– Боже.

Ее голова падает мне на плечо. Она обнимает меня за шею.

– Я люблю тебя, – практически рыдает она, сжимаясь вокруг меня в сладких конвульсиях.

Я кончаю практически сразу вслед за ней, наполняя ее каждой своей каплей, в прямом и переносном смысле этого слова.

Несколько минут тишины, мои глаза закрыты, я обнимаю ее. Мы оба вспотели, обогреватель все еще работает, но я не хочу отпускать ее даже на то короткое мгновение, которое требуется, чтобы его выключить.

– О чем ты думаешь? – в конце концов спрашиваю я.

Ее голова лежит на моей груди, дыхание медленное и спокойное.

– Хочу, чтобы ты всегда был рядом, – отвечает она, не открывая глаз.

Всегда. Хотел ли я от нее чего-то меньшего?

– Я тоже, – говорю я, желая пообещать ей то будущее, которого она заслуживает.

Проходит еще несколько минут, и тишину разрывает звонок телефона Тессы. Я инстинктивно тянусь к нему и, передвинув оба наших тела, поднимаю с пола.

– Это Кимберли, – говорю я, передавая телефон.

Два часа спустя мы стучим в дверь номера отеля. Я почти уверен, что мы ошиблись номером, но на пороге появляется Кимберли: покрасневшие глаза, ни намека на макияж. Без макияжа она мне нравится даже больше, но сейчас у нее

такой изможденный вид, словно она выплакала не только все свои слезы, но и чьи-то еще.

– Входите. Утро просто бесконечное, – говорит она без обычных дерзких ноток в голосе.

Тесса тут же обнимает ее за талию, и Кимберли начинает рыдать. Стоя в дверях, я чувствую себя ужасно неловко. Ким меня раздражает, к тому же она не из тех, кто в минуты слабости стремится окружить себя другими людьми. Оставив их в гостиной просторного люкса, я перебираюсь на кухню, наливаю себе кофе и сижу, уставившись в стену, пока рыдания в соседней комнате плавно не перетекают в приглушенный разговор. Пока что побуду в сторонке.

– А папа вернется? – раздается откуда-то сбоку спокойный голос, заставляя меня вздрогнуть от неожиданности.

Опустив голову, я замечаю зеленоглазого Смита, усевшегося на пластиковый стульчик рядом со мной. Даже не слышал, как он вошел.

Пожав плечами, я сажусь обратно и продолжаю сверлить взглядом стену.

– Думаю, да.

Наверное, нужно ему рассказать, какой отличный парень его отец… наш отец…

«Боже».

Странное маленькое существо передо мной – мой чертов братец. Это никак не может уложиться у меня в голове. Я смотрю на Смита, и он воспринимает мой взгляд как повод

для продолжения разговора:

– Кимберли сказала, что он в беде, но может выкрутиться, если откупится. Что это значит?

Эти его расспросы и то, что он, сунув нос не в свои дела, подслушал чужой разговор, так забавны, что я не могу не рассмеяться.

– Думаю, дело вот в чем, – бормочу я. – Она просто имеет в виду, что скоро с ним все будет в порядке. Почему бы тебе не пойти к Кимберли и Тессе? – Мою грудь опаляет огнем, когда я произношу ее имя.

Он смотрит в сторону, откуда доносятся голоса, потом глубокомысленно оглядывает меня:

– Они сердятся на тебя, особенно Кимберли. Но еще больше она сердится на папу, поэтому тебе бояться нечего.

– Со временем ты поймешь, что женщины всегда сердятся.

– Да, пока не умрут. Как моя мама, – кивает он в ответ.

У меня от удивления отвисает челюсть, и я поворачиваюсь к нему.

– Не нужно болтать о таких вещах. Все будут думать, что с тобой… что-то не то.

Он пожимает плечами, будто говоря, что его и так считают странным. Наверное, это правда.

– Мой папа хороший. Он не плохой.

– Не плохой? – Я стараюсь не смотреть в его зеленые глаза.

– Он водит меня по разным местам, говорит мне хорошие

слова.

Смит кладет на стол деталь игрушечного поезда. И что он нашел в этих поездах?

– И?.. – говорю я, сдерживая нахлынувшие чувства.

«Почему он вспомнил об этом сейчас?»

– Он и тебя будет водить по разным местам и говорить хорошие вещи.

– И зачем мне это? – спрашиваю я, но его зеленые глаза однозначно дают понять, что он знает больше, чем кажется.

Смит склоняет голову набок и, тихонько сглотнув, продолжает смотреть на меня. Никогда еще я не видел этого маленького чудака таким серьезным и по-детски уязвимым.

– Ты не хочешь быть моим братом?

«Черт возьми».

Я судорожно ищу взглядом Тессу в надежде, что она придет и спасет меня. Она-то уж точно знает, что ответить.

Смотрю на него, пытаясь сохранять хладнокровие, но ничего не выходит.

– Я никогда этого не говорил.

– Тебе не нравится мой папа.

В этот момент входят Кимберли и Тесса, избавляя меня, слава богу, от необходимости отвечать.

– Милый, с тобой все в порядке? – спрашивает Кимберли, слегка взъерошив волосы мальчика.

Не говоря ни слова, Смит едва заметно качает головой и, поправив волосы, уходит со своим поездом в другую комна-

ту.

Глава 9
Тесса

– Дорогая, прими душ, ты ужасно выглядишь. – Кимберли произносит это доброжелательным тоном, контрастирующим с содержанием ее слов.

Хардин все еще сидит за столом, сжимая в своих больших руках чашку кофе. Он почти не смотрит на меня с тех пор, как я вошла в кухню, прервав его разговор со Смитом. Мысль, что они могли бы общаться как братья, согревает мне сердце.

– Вся моя одежда в той арендованной машине у бара, – говорю я Кимберли. Больше всего на свете мне хочется принять душ, но переодеться не во что.

– Можешь примерить что-нибудь мое, – предлагает она, хотя мы обе знаем, что ничего не подойдет по размеру. – Или что-нибудь из вещей Кристиана. У него есть шорты и рубашка, которые…

– Нет, черт возьми, нет, – перебивает Хардин и, поднявшись, неодобрительно смотрит на Кимберли. Затем говорит мне: – Я съезжу за твоей рубашкой. Не вздумай брать ничего из его вещей.

Кимберли собирается возразить, но так и не произносит ни слова. Я смотрю на нее с благодарностью: на кухне этого

номера все-таки не разразится война.

– Далеко отсюда до «Гэбриэлз»? – спрашиваю я в надежде, что кто-то из них знает ответ.

– Десять минут. – Хардин протягивает руку за ключами от машины.

– Ты уже можешь вести?

По дороге из Аллхаллоуса за рулем была я, так как он тогда еще не до конца протрезвел. Глаза у него до сих пор точно стеклянные.

– Да, – сдержанно отвечает он.

Прекрасно. Предложение Кимберли воспользоваться одеждой Кристиана поменяло настроение Хардина от угрюмого до раздраженного меньше чем за минуту.

– Хочешь, я поеду с тобой? Я могла бы вести арендованную машину на обратном пути, если ты поедешь на машине Кристиана… – начинаю я, но тут же замолкаю.

– Нет, спасибо.

Мне не нравится его нетерпеливый тон, но я прикусываю язык – в буквальном смысле, чтобы не высказать все, что о я нем думаю. Не знаю, что на меня нашло, но в последнее время мне все труднее сдерживаться. Наверное, для меня это неплохо – но не для Хардина. Но для меня уж точно неплохо.

Не говоря ни слова и только мельком взглянув на меня, он выходит из номера. Несколько долгих молчаливых минут я пялюсь в стену, пока голос Кимберли не выводит меня из транса:

– Как он все это воспринял? – Она ведет меня к столу.

– Не очень хорошо. – Мы обе присаживаемся.

– Это я и сама вижу. Все-таки сжечь дом – не лучший способ справиться со злостью, – говорит она без малейшего намека на осуждение.

Я разглядываю столешницу из темного дерева, избегая встречаться взглядом с подругой.

– Мне страшно не из-за его злости. Я чувствую, что он отдаляется от меня с каждой минутой. Знаю, что веду себя по-детски и эгоистично, начиная с тобой этот разговор. Тебе и так нелегко, а теперь и Кристиан попал в беду…

Возможно, лучше, если я буду держать свои мысли при себе.

Кимберли накрывает мою руку своей.

– Тесса, нет такого закона, что боль может чувствовать только один человек за раз. Ты так же, как и я, переживаешь все это.

– Да, но я не хочу нагружать тебя своими проб…

– Ты и не нагружаешь. Выговорись.

Я поднимаю глаза, собираясь промолчать и оставить жалобы при себе, но она качает головой, будто читая мои мысли.

– Он хочет остаться здесь, в Лондоне, но я знаю, что, если допущу это, мы расстанемся.

Она улыбается:

– Видимо, для вас двоих термин «расставание» означает

вовсе не то же самое, что для всех остальных. – Я хочу броситься ей на шею за эту теплую улыбку посреди разверзшегося ада.

– Знаю, в это трудно поверить, особенно учитывая наше прошлое… Но вся эта история с Кристианом и Триш либо забьет последний гвоздь в крышку гроба наших отношений, либо станет спасительной благодатью. Я не вижу другого выхода и боюсь даже предположить, чем все закончится.

– Тесса, ты пытаешься тянуть неподъемный груз. Выпусти пар. Расскажи мне все. Ничего из того, что ты скажешь, не изменит моего отношения. Да, я эгоистичная стерва, но сейчас мне не помешает окунуться в чужие проблемы, чтобы отвлечься от собственных.

Я не жду, пока Кимберли передумает. Меня прорывает, как плотину. Слова неудержимым потоком вырываются наружу:

– Хардин хочет остаться в Лондоне, а меня отправить обратно в Сиэтл, будто я какое-то ненужное бремя. Он закрывается от меня как всегда, когда ему больно, и сейчас совсем слетел с катушек – сжег тот дом, и его совершенно не мучают угрызения совести. Знаю, он злится, и я никогда ему этого не скажу, но он делает хуже только самому себе. Если бы он просто смирился со своей злостью и принял тот факт, что может чувствовать боль, если бы он признал, что кто-то еще, кроме него и меня, важен в этом мире, он бы справился. Его поведение меня просто приводит в бешен-

ство. Сначала он говорит, что не сможет жить и умрет, если потеряет меня, но что происходит потом, как только наступает трудный момент? Он меня отталкивает. Я не собираюсь опускать руки, уже слишком глубоко завязла в этом болоте, просто иногда чувствую, что устала бороться, и начинаю думать о том, какой была бы моя жизнь без него. – Я встречаюсь с Кимберли взглядом. – Но когда я начинаю себе это представлять, мне больно дышать.

Я хватаю полупустую чашку кофе и осушаю ее одним глотком. Голос немного восстановился по сравнению с тем, что было несколько часов назад, но длинная тирада явно не пошла на пользу больному горлу.

– Мне до сих пор непонятно, почему после всего этого времени, всех месяцев этого хаоса, я готова снова пройти через это, – широким жестом я обвожу пространство комнаты, – лишь бы не расставаться с ним. Наши худшие времена – ничто по сравнению с тем, когда нам хорошо. Даже не знаю, может, я брежу или схожу с ума. Может, и то и другое. Но я люблю его больше, чем себя, больше, чем это вообще возможно представить, и просто хочу, чтобы он был счастлив. Не ради себя, а ради него самого. Я хочу, чтобы он посмотрел в зеркало и улыбнулся, а не оскалился. Чтобы он не относился к себе как к монстру. Чтобы он увидел себя, настоящего себя. Иначе, если он не перестанет примерять маску злодея, она его сожжет, а я останусь с грудой пепла. Пожалуйста, не говори ничего из этого ни ему, ни Кристиа-

ну. Мне просто нужно было выговориться. Мне кажется, что я иду ко дну. Мне трудно держаться на плаву, особенно сейчас, когда я борюсь не за себя, а за него.

На последней фразе голос меня подводит, и я захожусь кашлем. Улыбнувшись, Кимберли открывает рот, чтобы что-то сказать, но я жестом останавливаю ее и прочищаю горло:

– Это еще не все. Помимо всего прочего, я сходила к врачу, чтобы проверить, могу ли я… могу ли я иметь детей. – Последние слова я практически шепчу.

Кимберли изо всех сил пытается сдержать смех, но тщетно:

– Подруга, чего шепчешь, давай договаривай!

– Хорошо. – Я краснею. – Врач сделал снимок шейки матки. Сказал, что она короткая – короче, чем у большинства, и теперь хочет провести дополнительное обследование. Предупредил о возможном бесплодии.

Я смотрю на нее, ожидая найти поддержку в ее голубых глазах.

– У моей сестры то же самое, – отвечает Кимберли. – По-моему, это называется несостоятельность шейки матки. Что за ужасное определение – «несостоятельность»? Как будто ее вагина получила двойку по математике, или из нее вышел дерьмовый юрист, или еще что-то в этом роде.

Попытка Кимберли пошутить и то, что она знает еще кого-то, у кого такая же проблема, немного успокаивает меня. Совсем чуть-чуть.

– А у нее есть дети? – интересуюсь я, но сразу жалею о своем вопросе, видя, как вытягивается ее лицо.

– Наверное, не стоит о ней говорить. Расскажу как-нибудь в другой раз.

– Нет, сейчас. – Скорее всего, я пожалею о своей настойчивости, но ничего не могу с собой поделать. – Пожалуйста.

Кимберли глубоко вздыхает.

– Она пыталась забеременеть в течение нескольких лет, для нее это был сплошной кошмар. Прошла лечение от бесплодия. Они с мужем перепробовали абсолютно все, о чем написано в Интернете.

– И? – нетерпеливо произношу я, прямо как вечно перебивающий всех Хардин. Надеюсь, он уже едет обратно. В его состоянии лучше не оставаться одному.

– В конце концов она забеременела, и это был самый счастливый день в ее жизни. – Кимберли отводит глаза, и я знаю, что она или обманывает меня, или что-то скрывает ради моего же блага.

– Что случилось? Сколько сейчас лет малышу?

Кимберли сцепляет руки в замок и смотрит мне прямо в глаза.

– На четвертом месяце у нее случился выкидыш, но это ее история, не расстраивайся. Может, у тебя вообще другой случай. А если и нет, все сложится иначе.

В ушах у меня гулко звенит.

– У меня предчувствие, что я не смогу забеременеть, –

признаюсь я. – Когда врач заговорил о бесплодии, все как будто встало на свои места.

Кимберли пожимает мою руку:

– Ты не можешь быть уверена на сто процентов. Не хочу нагнетать обстановку, но ведь Хардин в любом случае не хочет детей?

Ее слова кинжалом проворачиваются у меня в груди, но мне стало легче, потому что я хоть с кем-то поделилась своими тревогами.

– Да. Не хочет. Не хочет ни детей, ни брака со мной.

– Ты надеялась, он передумает? – Она мягко сжимает мою руку.

– К сожалению, да. Я была почти в этом уверена. Конечно, не сейчас, но, возможно, через несколько лет. Я думала, что, когда он повзрослеет и мы оба окончим университет, его решение изменится. Но сейчас это кажется еще более нереальным, чем раньше. – Мои щеки горят от смущения. Поверить не могу, что рассказываю все это вслух. – Конечно, в моем возрасте смешно волноваться о детях, но я всегда, сколько себя помню, хотела быть матерью. Возможно, из-за того, что мои родители были далеко не идеальны, и я всегда чувствовала это стремление, эту потребность – быть матерью. Не просто матерью, а хорошей матерью, любящей своих детей, несмотря ни на что. Я бы никогда не осуждала и не обвиняла их. Не давила на них и не унижала. Не стала бы пытаться превратить их в улучшенную версию себя.

Начав говорить, я чувствовала себя безумной. Но Кимберли кивает в такт моим словам, и мне начинает казаться, что, может, я не одна такая.

– Думаю, из меня получилась бы хорошая мать, была бы только возможность. От мысли о маленькой девочке с каштановыми волосами и серыми глазами, бегущей в распахнутые объятия Хардина, у меня сжимается сердце. Да, глупо, но иногда я воображаю, как они сидят рядом, оба с непослушными вьющимися волосами.

Я смеюсь над нелепым образом, который представляла себе столько раз, что нормальным это уже не назовешь.

– Он бы читал ей, катал на плечах, а она вила бы из него веревки.

Я заставляю себя улыбнуться, пытаясь стереть милую картину из головы.

– Но он не хочет детей. А теперь, узнав, что Кристиан – его отец, уже точно никогда не передумает.

Заправляя выбившийся локон за ухо, я удивляюсь и горжусь собой: получилось рассказать обо всем, не проронив ни слезинки.

Глава 10
Хардин

«Хочу, чтобы ты всегда был рядом».

Эту фразу проронила Тесса, лежа на моей груди. Это то, что я хотел услышать. Это то, что я всегда хочу слышать.

«Но почему она хочет быть со мной всегда? На что это вообще будет похоже? Я и Тесса, нам за сорок, детей нет, не женаты – просто вдвоем?»

Для меня это был бы идеальный вариант. Мое идеальное будущее. Но я знаю, что для нее этого недостаточно. Мы спорили уже сотни раз, и она, как всегда, сдалась бы первой, потому что я не сдаюсь. Быть засранцем означает быть упрямым. Она расстанется с мыслью о браке и детях.

«Ну какой из меня отец?»

Дерьмовый, это уж точно. Я не могу удержаться от смеха, даже просто думая об этом – какая нелепость! Что касается отношений с Тессой, эта поездка обернулась для меня настоящим сигналом к пробуждению. Я всегда пытался ее предупредить, старался не тянуть за собой вниз, но никогда не прилагал достаточно усилий. Если начистоту, я знаю, что был способен оттолкнуть ее сильнее – для ее же блага, но не смог. Теперь, понимая, какой станет ее жизнь со мной, я знаю, что у меня нет выбора. Эта поездка рассеяла ро-

мантическую завесу, и каким-то чудом у меня появилась возможность легко со всем разобраться. Отправлю ее назад в Америку, и она заживет своей собственной жизнью.

Будущее Тессы рядом со мной – черная дыра, заполненная одиночеством. Я мог бы получить от нее все: вечную любовь и привязанность на долгие годы, но она осталась бы ни с чем. Со временем стала бы все больше презирать меня за то, что я лишил ее той жизни, какой она действительно хотела. С таким же успехом можно пропустить весь этот этап и избавить ее от бездарной потери времени.

Добравшись до «Гэбриэлз», я швыряю сумку Тессы на заднее сиденье и еду обратно в отель к Кимберли. Мне нужен план, чертовски хороший план, которого я буду четко придерживаться. Она слишком упряма и слишком любит меня, чтобы просто все бросить.

В этом вся проблема: она из тех людей, которые отдают и отдают, ничего не прося взамен. Но самое ужасное, что такие, как она, – легкая добыча для таких, как я – кто берет и берет, пока не останется ничего. Вот чем я и занимался с самого начала, и так будет всегда.

Она попытается убедить меня в обратном. Я знаю. Скажет, что брак не имеет значения, но на самом деле будет обманывать себя, чтобы удержать меня рядом. Я манипулировал ею, чтобы безоговорочно влюбить в себя, и это меня отлично характеризует. Я веду машину, и мазохист внутри меня начинает сомневаться в ее любви.

«Действительно ли она любит тебя, как говорит, или это просто болезненная привязанность?»

Между этими понятиями огромная разница, и чем больше на нее вываливается моего дерьма, тем больше мне кажется, что это просто привязанность. Она ждет, пока я в очередной раз не наломаю дров, и снова меня спасет.

Видимо, так и есть: я для нее постоянно ломающийся механизм, который она может «починить». Мы неоднократно обсуждали это и раньше, но она отказывалась признать очевидное.

Я копаюсь в глубинах своего затуманенного, страдающего от похмелья разума, ища какую-нибудь зацепку, и в конце концов нахожу.

Это случилось, когда мама улетела в Лондон после Рождества.

Тесса подняла на меня обеспокоенные глаза:

– Хардин?

– Да? – ответил я, зажав ручку в зубах.

– Поможешь мне вынести елку, когда закончишь работать?

На самом деле я не работал, а писал, но она об этом не знала. У нас выдался длинный, насыщенный день. Я подловил ее, когда она возвращалась с обеда с этим гребаным Тревором, и, прижав к столу, оттрахал до потери пульса.

– Да, подожди минутку.

Я перелистнул пару страниц, опасаясь, что она наткнется на них во время уборки, и поднялся, чтобы помочь с крошечной елочкой, которую она наряжала вместе с моей мамой.

– Над чем ты работаешь? Что-нибудь интересное?

Тесса потянулась к моей видавшей виды папке – она всегда жаловалась, что я бросаю ее где ни попадя. Следы от кофейных кружек и ручек на потрепанной коже приводили ее в бешенство.

– Ничего особенного.

Я выхватил папку у нее из рук прежде, чем она успела ее открыть. Тесса отпрянула, явно удивленная и немного обиженная моей реакцией.

– Прости, – тихо проговорила она. Ее красивое лицо омрачилось, и я, бросив папку на диван, взял ее за руки. – Я просто спросила, не хотела подсматривать или расстраивать тебя.

Черт, какой же я был придурок.

Я и сейчас такой же.

– Все в порядке, просто не лезь в мою работу. Мне не…

Я не мог придумать подходящую отговорку, потому что до этого не запрещал ей трогать свои вещи. Раньше, если мне казалось, что черновик ей понравится, я непременно его показывал. Она это любила, а сейчас я по непонятной для нее причине разозлился.

– Хорошо. – Она отвернулась и начала снимать украшения с того жуткого дерева.

Несколько минут я пялился в ее спину, ломая голову, что же меня так рассердило. Если бы Тесса прочла мою писанину, что бы она почувствовала? Понравилось бы ей? Или она пришла бы в ужас и закатила истерику? Я не знал и сейчас не знаю, поэтому она до сих пор ни о чем не подозревает.

– Хорошо? Это все, что ты можешь сказать? – спросил я, нарываясь на ссору. Ссориться лучше, чем игнорировать друг друга. Кричать лучше, чем молчать.

– Я больше не буду трогать твои вещи, – ответила она, даже не обернувшись. – Не знала, что ты так расстроишься.

– Мне…

Я отчаянно пытался найти повод, чтобы поругаться. И начал попросту придираться.

– Почему ты вообще со мной? – грубо спросил я. – После всего, что случилось? Тебе нравится скандалить?

– Что? – Она повернулась ко мне, держа в руках елочную игрушку в виде маленькой снежинки. – Зачем ты меня провоцируешь? Я же сказала, что больше не буду прикасаться к твоим вещам.

– Я не провоцирую, – солгал я. – Просто хочу знать, потому что ты, судя по всему, помешана на выяснении отношений.

Конечно, говорить подобное было несправедливо, но я все равно сказал. У меня было плохое настроение, и я хотел разделить его с ней.

Бросив игрушку в ящик рядом с елкой, она подошла ближе.

– Ты знаешь, что это неправда. Я люблю тебя, даже когда ты пытаешься поругаться. Терпеть не могу скандалить, и ты это знаешь. Я люблю тебя такого, какой ты есть. Давай на этом закончим. – Поднявшись на носочки, она потянулась поцеловать меня в щеку, и я ее обнял.

– Почему ты меня любишь? Я ничего для тебя не делаю, – слабо возразил я. Сцена, которую я устроил в тот день в «Вэнс», была еще свежа в моей памяти.

Она терпеливо вздохнула и положила голову мне на грудь.

– Вот поэтому, – постучала она указательным пальцем в том месте, где под одеждой билось мое сердце. – А теперь, пожалуйста, перестань ругаться. Мне нужно поработать с бумагами, и елка сама по себе не исчезнет.

Она была со мной такой нежной, такой понимающей, даже когда я этого не заслуживал.

– Я люблю тебя, – пробормотал я, зарывшись в ее волосы, и передвинул руки с ее спины на бедра. Она вжалась в меня, позволяя приподнять себя, и, пока я нес ее через гостиную на диван, обхватила ногами мою талию.

– Я люблю тебя и всегда буду любить, не сомневайся во мне, – заверила она, приблизив свои губы к моим.

Я медленно раздел ее, наслаждаясь каждым изгибом ее сексуального тела. Мне понравилось, как она закатила глаза, пока я надевал презерватив. В тот день она нервничала

по поводу секса во время месячных, но когда я начал поглаживать себя прямо перед ней, ее грудь возбужденно заходила ходуном. Нетерпеливое дыхание и слабый стон – этого было достаточно, чтобы я прекратил ее дразнить. Устроившись между ее бедер, я медленно вошел в нее. Она была такой влажной и тесной, что я тут же растворился в ней и до сих пор не помню, как мы убрали ту чертову елку.

В последнее время я очень часто вспоминал наши счастливые совместные моменты. Дрожащими руками я сжимаю руль, вырываясь из воспоминаний. Ее стоны и крики постепенно затихают, и я возвращаюсь в настоящее.

Медленно ползу в пробке в нескольких милях от Тессы. Мне нужно еще раз обдумать план и убедиться, что сегодня вечером она окажется в самолете. Рейс поздний, вылет не раньше девяти, поэтому у нее будет достаточно времени, чтобы добраться до Хитроу. Конечно, Кимберли ее отвезет. Голова все еще болит: алкоголь медленно выходит из организма, и я до сих пор немного под градусом. Не настолько пьян, что не могу вести машину, но до нормального состояния далеко.

– Хардин! – слышится знакомый глуховатый голос. Я быстро опускаю боковое стекло. Стоит только отвернуться, тебя тут же зовет по имени кто-то из прошлого.

– Ни фига себе! – кричу я. На соседней полосе мой старый друг Марк. Если это не знак свыше, тогда что?

– Паркуйся! – кричит он в ответ, улыбаясь во весь рот.

Я останавливаю арендованную машину Вэнса на стоянке кафе-мороженого. Марк паркуется рядом, выпрыгивает из своей похожей на груду хлама машины и бежит ко мне. Не успеваю я выбраться наружу, как он распахивает мою дверцу.

– Ты вернулся, а я до сих пор ничего не знаю? – орет он, хлопая меня по плечу. – Черт возьми, это арендованная тачка или ты разбогател?

Я закатываю глаза:

– Долгая история, но машина арендованная.

– Ты вернулся насовсем или как? – Сейчас его темно-русые волосы коротко подстрижены, но глаза такие же остекленевшие, как и раньше.

– Да, насовсем, – отвечаю я, приняв окончательное решение. Все просто: я остаюсь, она уезжает.

Он разглядывает мое лицо.

– Где твои гребаные кольца? Снял?

– Да, надоели, – пожимаю я плечами, разглядывая его лицо. Когда он немного поворачивает голову, под нижней губой сверкают на свету два маленьких гвоздика. Черт, да у парнишки «укус змеи».

– Блин, Скотт, ты так изменился. С ума сойти. Сколько прошло? Два года? – Он взмахивает руками. – Три? Черт, да я лет десять хожу обкуренный, уже и не вспомнить ничего.

Он смеется и, пошарив в кармане, достает пачку сигарет.

Я отказываюсь, когда он предлагает мне закурить, и зарабатываю его изумленный взгляд.

– Ты чего, правильным стал?

– Черт, нет, просто не хочу, – огрызаюсь я.

Он смеется в ответ так, как смеялся всегда, стоило мне огрызнуться. Марк был лидером нашей маленькой банды. Он старше меня всего на год, но этого было достаточно, чтобы вести за собой и казаться идеалом. Поэтому, когда появился другой парень, Джеймс, еще чуток постарше, и начал обделывать с Марком свои делишки, я сразу же примкнул к ним. Меня не парило, как они обращались с девчонками, даже когда снимали их на камеру без согласия.

– Что, заважничал? – смеется он, зажав в зубах тлеющую сигарету.

– Да пошел ты. Ты что, дунул? – Я знал, что он таким и останется: вечный укурок, заблудившийся в воспоминаниях о старых деньках с кучей девочек и прочих ништяков.

– Не-а. Хотя ночка выдалась длинная, – ухмыляется он, явно гордясь тем, что делал или даже кого поимел прошлой ночью. – Ты сейчас куда? Где остановился, у матери?

В груди становится тяжело при упоминании мамы и дома, который я спалил дотла. Я чувствую горячий дым на щеках и вижу яркое пламя, пожирающее дом, – такую картину я, обернувшись, застал перед тем, как сесть в машину к Тессе.

– Нет, я нигде особо не зацепился.

– А, понял. – На самом деле он ничего не понял. – Если

нужно вписаться, можешь зависнуть у меня. Мы с Джеймсом теперь снимаем жилье на пару. Вот он поугорает, узнав, в кого ты превратился. Весь такой из себя американец типа.

В голове раздается голос Тессы, умоляющий не возвращаться на эту знакомую легкую дорожку, но я отмахиваюсь от него и киваю Марку.

– Вообще-то кой-какая помощь не помешает.

– Могу достать все, что хочешь. Джеймс теперь барыжит! – с гордостью отвечает Марк.

Я закатываю глаза:

– Да нет, я не об этом. Ты не мог бы смотаться со мной до отеля, я кое-что заброшу, а потом подбросишь меня до «Гэбриэлз», чтобы я мог забрать свою машину.

Придется продлить срок аренды, если удастся. Я предпочитаю не вспоминать, что в Вашингтоне у меня остались квартира и машина. Разберусь с этим позже.

– А потом ко мне? – Он останавливается. – Подожди-ка, а барахло кому везешь? – Даже под кайфом он обратил на это внимание.

Черт, ни за что на свете я не буду рассказывать ему о Тессе.

– Да так, цыпочка одна. – Горло просто рвется от этих лживых слов, но я должен защитить ее от всего этого.

Он идет обратно к машине, но, перед тем как сесть, оборачивается:

– А она сладенькая? Могу подождать снаружи, если хо-

чешь трахнуть ее еще разок. А то, может, она и мне…

Мои глаза наливаются кровью, и я несколько раз глубоко вдыхаю и выдыхаю, чтобы успокоиться.

– Нет, без вариантов. Ты останешься в машине. Я даже не буду заходить внутрь. – Судя по всему, я его не убедил, поэтому добавляю: – Я не шучу. Высунешься из гребаной тачки и хоть попробуешь…

– Чувак, остынь! Я подожду в машине! – кричит он и поднимает руки так, будто я коп.

Пока мы выезжаем со стоянки на проезжую часть, он продолжает смеяться и качать головой.

Глава 11
Тесса

Я проверяю свой телефон, который стоит на зарядке.

– Его нет уже больше часа. – Я пытаюсь еще раз дозвониться до Хардина.

– Наверное, он просто не торопится, – говорит Кимберли, но я замечаю сомнение в ее глазах – она просто пытается меня успокоить.

– Не отвечает. Если он вернулся в тот бар… – Я встаю и начинаю мерить шагами комнату.

– Он приедет с минуты на минуту. – Она открывает дверь, выглядывает и смотрит сначала по сторонам, затем вниз. Тихо зовет меня по имени, и я слышу по голосу: что-то не так.

– Что? Что там такое?

«Хардин в коридоре?»

Я подскакиваю к Кимберли как раз, когда она наклоняется и… поднимает мой чемодан.

На меня накатывает страх, ноги подкашиваются. Я почти не чувствую, как меня подхватывают руки Кимберли, и открываю передний карман чемодана.

Там билет на самолет, один-единственный билет. Рядом цепочка с ключами Хардина от его машины и квартиры.

Я знала, что так будет. Знала, что он сбежит от ме-

ня при первой возможности. Хардин не умеет справляться с эмоциональными травмами, просто не знает, как. Я могла и должна была подготовиться к подобному повороту событий, почему же тогда билет оттягивает руку свинцом и так больно в груди? Я ненавижу его за то, как он поступает со мной – с таким безразличием и так торопливо. Ненавижу себя за то, что не готова к этому. Нужно взять себя в руки, собрать остатки достоинства и с честью принять вызов. Взять билет, треклятый чемодан и бежать из этого чертова Лондона. Так поступила бы любая уважающая себя женщина. Все очень просто. Я прокручиваю эту мысль в голове снова и снова. Колени подгибаются, дрожащими руками я прикрываю смущенное лицо, а мое сердце в очередной раз из-за этого человека разбивается вдребезги.

– Вот козел. – Кимберли выносит Хардину обвинительный приговор.

Будто я и так не знаю, какой он придурок.

– Он вернется. Он всегда возвращается, ты же знаешь, – говорит она.

Я поднимаю голову и натыкаюсь на ее угрожающий взгляд. Она злится на Хардина. Я мягко высвобождаюсь из ее рук и качаю головой.

– Я в порядке. Все хорошо. Я в порядке, – повторяю я, как заклинание, больше для себя, чем для Ким.

– Нет, не в порядке, – возражает она, заправляя непослушную прядь волос мне за ухо.

Этот до боли знакомый жест так напоминает о Хардине, что я отшатываюсь.

– Мне нужно в душ, – говорю я подруге, пока окончательно не раскисла.

Нет, я не сломлена. Не сломлена, а побеждена. Вот что я чувствую – полное поражение. Долгие месяцы я воевала с неизбежным, плыла против течения, которое оказалось слишком сильным, чтобы бороться с ним в одиночку, а теперь иду ко дну, и вокруг нет ни одной спасательной шлюпки.

– Тесса? Тесса, как ты там? – кричит Кимберли за дверью ванной.

– Все нормально, – выговариваю я, и в голосе звучит та же слабость, что ощущается во всем теле. Если нет ни капли силы, можно хотя бы попытаться скрыть слабость.

Вода холодная. Она холодная уже несколько минут… может, даже час. Понятия не имею, сколько времени провела здесь, сидя на корточках под душем, прижав колени к груди. Холодная вода бежит сверху, почти причиняя боль, но тело онемело еще несколько проверок Кимберли назад.

– Ты должна выйти из душа. Не надейся, что я не смогу выломать дверь.

Ни секунды не сомневаюсь, что она так и сделает. Я уже проигнорировала несколько ее угроз подряд, но на этот раз выключаю душ. Но не поднимаюсь с пола.

Некоторое время Кимберли не слышно: видимо, она немного успокоилась, когда шум воды прекратился.

– Выхожу, – отвечаю я на ее очередной стук в дверь.

К тому времени как я встала, ноги затекли, а волосы практически высохли. Порывшись в сумке, я машинально натягиваю джинсы: одна нога, другая. Затем поднимаю руки над головой и надеваю футболку. Чувствую себя как робот и, протерев рукой зеркало, вижу, что и выгляжу не лучше.

«Сколько еще раз он будет так поступать?» – мысленно спрашиваю я свое отражение.

«Нет, сколько еще раз я позволю ему так поступать?» – вот настоящий вопрос.

– Больше никогда, – громко отвечаю я незнакомке в зеркале.

Отыщу его в последний раз – только ради его семьи. Спасу его задницу, увезу из Лондона и сделаю то, что должна была сделать уже давно.

Глава 12
Хардин

– Черт возьми, Скотт! Да ты настоящий мамонт!

Джеймс вскакивает с дивана и подходит ко мне. Это правда. По сравнению с ним и Марком я просто великан.

– Какой у тебя рост? Больше двух метров? – Глаза Джеймса остекленели и налиты кровью. И часа дня еще нет.

– Метр девяносто, – уточняю я и получаю от Джеймса такой же дружеский тычок в плечо, как и от Марка.

– Круто! Надо всем рассказать, что ты приехал. Все остальные до сих пор здесь, чувак. – Джеймс потирает руки, словно замышляя что-то грандиозное, и я даже не хочу знать, что именно.

«Тесса нашла сумку за дверью или еще нет? Что она подумала? Расплакалась? Или для нее всё уже в прошлом?»

Я абсолютно уверен, что не хочу знать ответ на этот вопрос. Не хочу представлять выражение ее лица, когда она открыла дверь. И не хочу даже думать о том, что она почувствовала, когда обнаружила в кармане чемодана только один билет. Я забрал и закинул на заднее сиденье арендованной машины всю свою одежду.

Я знаю ее достаточно хорошо: она ждала, что я попрощаюсь. И попытается разыскать меня прежде, чем окончатель-

но опустит руки. Но, использовав последнюю попытку, она сдастся. У нее не останется выбора, потому что до вылета найти меня она не сможет, а завтра будет уже очень-очень далеко отсюда.

– Чувак! – слышится громкий голос Марка, он машет рукой перед моим лицом. – Ты чего, в отключке?

– Задумался, – пожимаю я плечами.

Тут мне приходит в голову: если Тесса потеряется в Лондоне, пока будет меня искать, что я сделаю? Предприму ли хоть что-нибудь?

Марк кладет руку мне на плечо, вовлекая в прерванное обсуждение, кого приглашать на вечеринку. Они называют кучу знакомых имен, нескольких я вообще не слышал, и начинают звонить, сообщая время и что взять из выпивки.

Скинув его руку, я иду на кухню попить воды и наконец осматриваюсь в квартире. Черт, это одна большая свалка. Выглядит как дом братства по утрам в субботу и воскресенье. Наша квартира ни разу не была в таком состоянии, по крайней мере, когда там жила Тесса. На кухне никогда не валялись коробки из-под пиццы, столы не загромождали батареи пустых бутылок. Мазохизм заставляет меня вытащить из кармана телефон и снова его включить. На заставке моя любимая фотография Тессы. Любимая на данный момент. Ситуация меняется каждую неделю, но это изображение идеально. Светлые волосы распущены по плечам, она озарена светом и словно сияет. Искренняя улыбка во все лицо, глаза

прищурены, носик очаровательно сморщен. Черт, она смеялась тогда надо мной, даже ругалась за то, что я шлепнул ее по заднице перед Кимберли. Я шепотом описал, какие гораздо более пошлые вещи могу сделать с ней прямо на глазах у ее нахальной подруги и успел сфотографировать ее как раз перед тем, как она расхохоталась.

Я бреду назад в гостиную, и Джеймс выхватывает телефон из моей руки.

– Покажи-ка, чем ты там занят!

Я поскорее забираю мобильник обратно, пока он не увидел фотографию.

– Ой, какие мы обидчивые, – дразнит Джеймс, пока я меняю заставку. Этим идиотам только повод дай.

– Я пригласил Джанин, – смеется Марк, ему вторит Джеймс.

– Не понимаю, чего вы ржете. Она же твоя сестра, – киваю я на Марка. Затем поворачиваюсь к Джеймсу: – И ты тоже ее трахал.

Это не новость. Ни для кого не секрет, что сестра Марка спит со всеми друзьями младшего братишки.

Так проходят часы: мы курим, болтаем, пьем, болтаем, курим, и я не успеваю заметить, как вокруг нас уже куча народа, в том числе и вышеупомянутая девица.

Глава 13
Тесса

У меня еще осталась гордость, хотя и немного, и я предпочла бы встретиться и поговорить с Хардином наедине. Я точно знаю, как он поступит. Скажет, что я слишком хороша для него, а он меня недостоин. Скажет что-нибудь обидное, а я буду убеждать его в обратном.

Должно быть, Кимберли думает, что я дура, раз бегаю за ним после того, как он меня с таким равнодушием бросил. Но я его люблю, а когда кого-то любишь, то борешься: следуешь за ним, если знаешь, что он в тебе нуждается, поддерживаешь в борьбе против самого себя и не сдаешься, даже когда он сам махнул на себя рукой.

– Все в порядке. Если я его найду, а ты будешь со мной, он почувствует себя загнанным в угол, и это только усложнит ситуацию, – говорю я Кимберли уже во второй раз.

– Пожалуйста, будь осторожна. Мне не хотелось бы убивать этого мальчишку, но теперь уже ничего не могу обещать, – почти улыбается она. – Погоди-ка, есть еще кое-что.

Воздев палец кверху, она бежит к кофейному столику в центре комнаты, роется в сумочке и подзывает меня к себе.

Кимберли в своем репертуаре: она наносит на мои губы бесцветный блеск и с ухмылкой вручает тюбик с тушью.

– Ты же хочешь выглядеть на все сто?

Несмотря на боль в груди, я улыбаюсь над ее попыткой помочь мне выглядеть прилично. Несомненно, для нее в этом состоит часть решения проблемы.

* * *

Десять минут спустя красное от рыданий лицо приобретает нормальный цвет. Благодаря тональному крему и теням отеки вокруг глаз уже не так заметны. Волосы расчесаны и, можно сказать, уложены крупными волнами. Через какое-то время Кимберли сдается и, вздохнув, говорит, что «пляжный» эффект сейчас все равно в моде. Не помню, как она переодела меня, сменив футболку на топ и кардиган, но ей удалось за рекордно короткий срок превратить меня из зомби в более-менее нормально выглядящего человека.

– Обещай, что позвонишь, если я тебе понадоблюсь, – говорит Кимберли. – Не надейся, что я не поеду тебя искать.

Киваю, соглашаясь, и знаю, что она не станет колебаться ни секунды. Она обнимает меня еще дважды перед тем, как отдать ключи от арендованной машины Кристиана, которую Хардин оставил на парковке.

Сев в машину, я ставлю телефон на зарядку и опускаю боковое стекло. В салоне пахнет Хардином. Пустые стаканчики из-под утреннего кофе все еще в держателях и напоминают мне, что всего несколько часов назад мы занимались

здесь любовью. Так он попрощался со мной. Я только сейчас понимаю, что в глубине души знала это еще тогда, но не была готова принять. Не хотела признать явное, настигающее меня поражение. Невероятно, но уже пять вечера. У меня в запасе меньше двух часов, чтобы найти Хардина и убедить его вернуться домой вместе со мной. Посадка на рейс начинается в половине девятого, но нам нужно приехать около семи, чтобы успеть пройти досмотр.

«Или я полечу домой одна?»

Посмотрев на свое отражение в зеркале заднего вида, я встречаюсь взглядом с той же девушкой, которой пришлось подняться с пола ванной. Меня снова охватывает дурное предчувствие, что домой я полечу в одиночестве.

Мне известно только одно место, где он может быть, и если его там нет, то вообще непонятно, что делать. Завожу машину, но рука замирает на рычаге коробки передач. Я не могу просто так кататься по Лондону без денег, не зная, куда ехать.

В отчаянии и тревоге я снова пытаюсь до него дозвониться и, когда он берет трубку, готова разрыдаться от счастья.

– Алло-о-о, кто это? – произносит незнакомый мужской голос.

Отдернув телефон от уха, я проверяю, Хардину ли звоню, но на весь экран светится его имя.

– Алло-о-о, – повторяет парень громче, все так же растягивая слова.

– Хм-м, привет. А Хардин там? – У меня сводит желудок: этот незнакомец явно не предвещает ничего хорошего, и я понятия не имею, кто это такой.

В трубке слышны смех и голоса, среди них определенно несколько женских.

– Скотт сейчас… в состоянии, – отвечает парень.

«В состоянии?»

– Не в состоянии, идиот, – поправляет, смеясь, женщина на заднем плане.

«Боже».

– Где он? – спрашиваю я. Судя по тому, как изменился шум в трубке, меня переключили на громкую связь.

– Занят, – отвечает другой парень. – Ты кто? Придешь на вечеринку? Ты поэтому звонишь? Мне нравится твой американский акцент, птичка, и если ты подружка Скотта…

Вечеринка? В пять вечера? Я пытаюсь сосредоточиться на этом бесполезном факте, а не на женских голосах, доносящихся из телефона, и не на том, что Хардин «занят».

– Ага, – выдает мой язык, прежде чем соглашается мозг. – Повтори-ка адрес.

Я разговариваю неуверенным и дрожащим голосом, но никто, похоже, этого не замечает.

Парень, взявший трубку, диктует адрес, и я быстро вбиваю его в навигатор мобильника. Дважды ошибаюсь, и мне приходится просить его повторить, что он и делает. Он советует поторопиться, с гордостью похвастав, что столько вы-

пивки я никогда в жизни не видела.

* * *

Двадцать минут спустя я оказываюсь на маленькой стоянке, примыкающей к обшарпанному кирпичному зданию с большими окнами, три из которых занавешены белой пленкой или, возможно, мешками для мусора. На парковке куча машин. БМВ, на котором я приехала, выделяется среди них как бельмо на глазу. Единственная похожая – та, что арендована Хардином. Она стоит у въезда, зажатая со всех сторон, а значит, он здесь дольше, чем все остальные.

Перед тем как войти, я набираю полную грудь воздуха, чтобы собраться с силами. Незнакомец сказал по телефону, что мне нужна вторая дверь на четвертом этаже. Не похоже, что в этом сомнительном здании есть четвертый этаж, но, поднявшись по лестнице, я понимаю, что ошиблась. Громкие голоса настигают меня еще на площадке третьего этажа.

Смотрю наверх и не понимаю, что Хардин здесь забыл. Зачем убегать от своих проблем в такое место? Как только я поднимаюсь на четвертый этаж, сердце начинает бешено колотиться, а желудок просто завязывается в узел. Разум прокручивает возможные варианты того, что может происходить за этой поцарапанной, изрисованной граффити дверью номер два.

Тряхнув головой, отгоняю сомнения. Почему я так боюсь

и нервничаю? Ведь это Хардин, мой Хардин. Даже разъяренный и замкнувшийся в себе, он никогда намеренно не причинит мне вреда, не считая жестоких слов. Ему сейчас непросто из-за ситуации в семье, он нуждается в том, чтобы я помогла и забрала его домой. Я просто накручиваю себя и без причины усложняю ситуацию.

Дверь открывается как раз в тот момент, когда я собираюсь постучать. Парень, одетый во все черное, проходит мимо, не останавливаясь и не закрывая за собой дверь. Из глубины квартиры валят клубы дыма, и я еле сдерживаюсь, чтобы не зажать рот и нос. Кашляя, переступаю порог.

И застываю в немом изумлении: на полу передо мной сидит полуобнаженная девица. Я оглядываюсь по сторонам и понимаю, что почти все вокруг полуодеты.

– Снимай верх, – говорит молодой бородатый парень какой-то крашеной блондинке. Та закатывает глаза, но, быстро избавившись от рубашки, остается в одном лифчике и трусиках.

Понаблюдав немного за этой сценой, я понимаю, что они играют в карты на раздевание. Сначала я подумала совсем про другое, и на душе становится немного светлее. Не намного, но светлее.

Я чувствую слабое облегчение от того, что Хардина нет в компании полуголых картежников, и продолжаю рыскать глазами по переполненной комнате, но его нигде не видно.

– Ты заходишь или как? – спрашивает кто-то.

Я оборачиваюсь в поисках источника голоса.

– Закрывай за собой дверь и заходи, – говорит парень, показываясь из-за чьей-то спины слева от меня. – Мы встречались раньше, Бэмби?

Он усмехается, и я неуютно передергиваю плечами, когда его налитые кровью глаза начинают блуждать по моей фигуре, неприлично долго задерживаясь на груди. Мне не нравится выбранное им прозвище, но я упускаю подходящий момент, чтобы назвать свое настоящее имя. Судя по голосу, это он разговаривал со мной по телефону Хардина.

Я качаю головой, ни одно слово не приходит на ум.

– Марк, – представляется он и тянется к моей руке, но я ее отдергиваю.

Марк… Я сразу же узнаю это имя из письма и разных историй, которые рассказывал Хардин. Марк достаточно приветлив, но мне известно, что он собой представляет. И известно, что он вытворял с девушками.

– Это моя квартира, кто тебя пригласил?

Из-за вопроса мне сначала кажется, что он сердится, но на его лице одно хвастовство.

Он говорит с сильным акцентом, и я нахожу его действительно привлекательным. Немного пугающим, но привлекательным. Темно-русые волосы топорщатся спереди, борода растрепанная, но ухоженная – «образ хипстера-придурка», как называет это Хардин, но мне даже нравится. На руках нет татуировок, но на лице пирсинг: под нижней губой про-

колото в двух местах.

– Я… М-м-м… – пытаюсь я собраться со словами.

Он снова смеется и хватает меня за руку.

– Так, Бэмби, пойдем организуем тебе что-нибудь выпить, чтобы ты расслабилась, – улыбается он. – От тебя с ума сойти можно.

Он ведет меня на кухню, и я начинаю сомневаться, здесь ли вообще Хардин. Может, он бросил машину и телефон, а сам в другом месте? Может, он в машине? Почему я не проверила? Наверное, нужно спуститься и проверить. Он был таким усталым, что мог просто задремать…

Но потом у меня перехватывает дыхание.

Если бы кто-нибудь в тот момент спросил меня, что я ощущаю, не уверена, каким был бы мой ответ. Думаю, что вообще не нашла бы что сказать. Мне физически больно, колет в груди, я в ужасе, не верю своим глазам, но в то же время словно онемела. Я одновременно чувствую все и ничего, и это самое ужасное из того, что я когда-либо испытывала.

Хардин замер, прислонившись к столу, с бутылкой в руке. Я чувствую, как останавливается мое сердце. Позади него сидит женщина, ее голые ноги обхватывают его талию, а тело прижимается так, будто естественнее и быть ничего не может.

– Скотт! Давай сюда водку. Моя новая подружка Бэмби хочет выпить! – орет Марк.

Хардин переводит налитый кровью взгляд на Марка

и мерзко улыбается. Таким отвратительным я его ни разу не видела. Когда он поворачивается ко мне, чтобы посмотреть, что там за Бэмби, я стою достаточно близко и вижу, как его глаза с расширенными зрачками словно вылезают из орбит, а с лица исчезает незнакомое выражение.

– Что… Что ты… – бормочет он. Его взгляд скользит по мне, и глаза выпучиваются еще сильнее, когда он видит руку Марка поверх моей. Лицо Хардина багровеет от гнева, и я отдергиваю руку.

– Вы что, знакомы? – спрашивает хозяин вечеринки.

Я не отвечаю. Мое внимание переключается на женщину, чьи ноги по-прежнему обвивают Хардина. Он до сих пор не предпринял никаких попыток скинуть ее с себя. На ней только трусики и футболка. Простая черная футболка.

На Хардине его черная толстовка, но я не вижу под ней воротника такой знакомой выцветшей футболки. Эта случайная девица, не замечая возникшего напряжения, даже улыбается мне, бестолковая и явно уже хорошая.

Я молчу. Ошарашенная происходящим, поверить не могу, что знаю стоящего передо мной человека. Наверное, не смогу сейчас при всем желании произнести ни слова. Я понимаю, Хардину нелегко, но видеть его в объятиях другой женщины – это уже слишком. Слишком, черт бы его побрал, и все, о чем я могу сейчас думать, – это как оказаться отсюда подальше.

– Значит, знакомы, – смеется Марк и забирает у Хардина

бутылку.

Хардин до сих пор не проронил ни звука. Он просто таращится на меня, словно я какое-то привидение. Словно я – забытое воспоминание из прошлого, с которым он не ожидал столкнуться вновь.

Развернувшись на пятках, я расталкиваю всех, кто оказывается на моем пути из этого ада, и выбегаю за дверь. Спустившись на один пролет, прислоняюсь к стене и, запыхавшись, соскальзываю вниз. В ушах звенит, груз случившегося за последние пять минут придавливает меня к полу так, что я не представляю, как выйду отсюда.

Я тщетно прислушиваюсь, не застучат ли ботинки по металлическим ступеням, и каждая минута тишины вонзается в сердце глубже, чем предыдущая. Он даже не попытался меня остановить. Позволил увидеть себя в таком виде и даже не подумал догнать и все объяснить.

Сегодня я уже выплакала из-за него все слезы, но оказывается, что плакать без слез гораздо больнее, чем с ними, а прекратить невозможно. После всего, что у нас было: ссор, смеха, времени, проведенного вместе, он хочет вот так все закончить? Вот так оттолкнуть меня прочь? Неужели он не уважает меня настолько, что, ужравшись в хлам, позволяет другой женщине прикасаться к себе и носить свою одежду после… Одному богу известно, чем они там занимались.

Я не разрешаю себе даже думать об этом, иначе умру. Знаю, что я видела, но знать и принять – это разные вещи.

У меня хорошо получается находить оправдания его поступкам. Я отлично научилась это делать за долгие месяцы наших отношений и до конца придерживаться придуманных отговорок. Но сейчас никакое оправдание не поможет. Даже та боль, которую он чувствует из-за предательства матери и Кристиана, не дает ему права так поступать со мной. Я не сделала ему ничего плохого, чтобы он отплатил мне такой монетой. Моей единственной ошибкой была попытка слишком долго оставаться рядом с ним и помогать справляться с вымещаемой на других злобой.

Чем дольше я сижу на пустой лестничной клетке, тем больше унижение и боль перерастают в злость. Тяжелую, утробную, невыносимую злость. Хватит с меня его оправданий. Хватит, я больше не буду терпеть все это дерьмо, а потом прощать его после простого извинения и обещания, что он изменится.

Нет, черт возьми, нет.

Но я не уйду без боя. Я отказываюсь оставлять его и позволять ему думать, что так обращаться с людьми – это нормально. У него явно не осталось ни капли уважения к себе, как, впрочем, и ко мне. Злость переполняет меня, и вот я уже мчусь вверх по чертовым ступеням обратно в этот клоповник.

Толкнув дверь так, что она в кого-то ударяется, я прокладываю себе путь на кухню. Разум затуманивает еще больше, когда я вижу, что Хардин стоит на том же самом месте,

в той же самой позе, с той же самой шлюхой за спиной.

– Слушай, я не в курсе, просто какая-то… – говорит он Марку.

Я в такой ярости, что перед глазами все расплывается. Прежде чем Хардин успевает меня заметить, я выхватываю бутылку из его рук и швыряю о стену. Она разбивается, и в комнате воцаряется гробовая тишина. Я словно смотрю на себя со стороны – на злобную, разъяренную, сходящую с ума версию Тессы – и не могу остановиться.

– Бэмби, какого черта? – кричит Марк.

– Меня зовут Тесса! – поворачиваюсь я к нему и кричу в ответ.

Глаза Хардина закрыты, и я наблюдаю за ним, ожидая, что он заговорит, скажет хоть что-нибудь.

– Ну хорошо, Тесса, водку-то зачем разбивать?! – с сарказмом спрашивает Марк. Он не в том состоянии, чтобы осознать, какой бардак я устроила, и думает только о разлившейся выпивке.

– У меня был отличный учитель по разбиванию бутылок о стены, – отвечаю я и сердито смотрю на Хардина.

– Ты не говорил, что у тебя есть подружка, – подает голос потаскуха, вцепившаяся в него сзади.

Я перевожу взгляд с Марка на эту женщину и обратно. Между ними есть явное сходство… а я, черт возьми, перечитывала то письмо слишком много раз, чтобы не знать, кто это такая.

– Ну и Скотт, притащил чокнутую американскую цыпочку в мою квартиру, а она теперь швыряется бутылками, – изумленно произносит Марк.

– Не смей, – отвечает Хардин, подходя ближе.

Я корчу ему мою самую лучшую рожу. Грудь бурно вздымается и опускается, в голове все перепуталось, но мое лицо застыло маской: ни намека на эмоции. Как и у него.

– Кто эта телка? – спрашивает Марк Хардина, как будто меня здесь нет.

Хардин снова не признает меня.

– Я тебе уже говорил. – Ему не хватает смелости даже поднять глаза, пока он позорит меня перед комнатой, полной народу.

Но с меня довольно.

– Какого черта с тобой творится? – кричу я. – Думаешь, можешь зависать здесь, чтобы забыть о проблемах? – Да, я веду себя как сумасшедшая, но на этот раз мне все равно, что подумают окружающие. Не дав ему возможности ответить, я продолжаю: – Какой же ты эгоист! Думаешь, оттолкнув меня и замкнувшись в себе, сделал для меня что-то хорошее? Черт, да ты ведь знаешь, как все будет! Ты не можешь без меня – тебе просто будет паршиво, как и мне. Причиняя мне боль, ты ничего не добьешься. И что же, я прихожу и застаю тебя в таком виде?

– Ты вообще не понимаешь, о чем говоришь, – тихо и угрожающе произносит Хардин.

– Не знаю? – всплескиваю я руками. – На ней твоя чертова футболка!

Я уже ору и указываю на потаскуху, которая спрыгивает со стола и пытается натянуть футболку Хардина пониже, чтобы прикрыть ляжки. Она намного ниже меня, и футболка смотрится на ней просто гигантской. Я знаю, что этот образ будет преследовать меня до конца жизни. Он вплавляется в память, все тело пламенеет от злости, и в этот чертов момент, наполненный первобытной, звериной яростью… все встает на свои места.

Все становится предельно ясным. Мои прошлые мысли о любви и о том, что нужно бороться за того, кого любишь, не имеют ничего общего с правдой. Все это время я ошибалась. Когда любишь кого-то, не позволяешь ему разрушать тебя вместе с ним, не позволяешь ему смешивать тебя с грязью. Ты пытаешься помочь, спасти его, но как только любовь становится безответной или эгоистичной, а ты по-прежнему не сдаешься, – ты в дураках.

Если бы я его любила, то не позволила бы разрушить и себя тоже.

С Хардином я пыталась снова и снова. Давала ему шанс за шансом и каждый раз думала, что теперь-то все наладится. На самом деле думала, что у нас все получится. Считала, что, если буду сильно его любить и приложу еще немного усилий, все кончится хорошо и мы будем счастливы.

– Что ты вообще здесь делаешь? – спрашивает он, нару-

шая мое прозрение.

– Как что? Или ты думал, я позволю тебе сбежать как последнему трусу?

Боль возвращается, и злость начинает утихать. Меня это пугает, но я почти рада подвести итог. За последние семь месяцев слова, сказанные Хардином, и замкнутый круг, в котором мы вертимся, ослабили меня, зато сейчас я ясно вижу, что представляют собой наши переменчивые отношения.

Неизбежность.

В конце нас всегда поджидала неизбежность, и я поверить не могу, что мне потребовалось столько времени, чтобы это понять и принять.

– Даю тебе последний шанс уйти со мной сейчас и вернуться домой. Но знай: если я выйду за эту дверь без тебя, все кончено.

Его молчание и самодовольный, затуманенный взгляд толкают меня к краю пропасти.

– Так я и думала.

Я даже больше не кричу. Это бессмысленно. Он не слушает. Да и никогда не слушал.

– Знаешь, что? Можешь все так и оставить: пропить и прокурить свою жизнь, – я подхожу к нему ближе и останавливаюсь всего в паре шагов, – но больше у тебя никогда ничего не будет. Надеюсь, ты будешь получать удовольствие, пока оно не иссякнет.

– Буду, – отвечает он, и его слова снова разрывают мне

сердце.

– Слушай, если она не твоя подружка… – говорит Марк Хардину, напоминая мне, что мы не одни в комнате.

– Я никому не подружка, – огрызаюсь я.

Похоже, мое отношение только раззадоривает Марка. Он улыбается во весь рот и тянется ко мне рукой, чтобы увести в гостиную.

– Отлично, вот и решили.

– Руки прочь от нее!

Хардин толкает Марка в спину – недостаточно сильно, чтобы тот упал, но силы удара хватает, чтобы он меня отпустил.

– На выход, сейчас же! – рычит Хардин, проходя мимо меня в гостиную. Я следую за ним в коридор и громко хлопаю дверью.

Он дергает себя за волосы, распаляясь все сильнее.

– Что это, черт возьми, было?

– Что именно? Я пыталась вытянуть тебя из дерьма. Думаешь, можно просто сунуть билет на самолет и связку ключей в чемодан и уйти?

Я толкаю его в грудь, прижимая к стене, и почти готова попросить за это прощения, чувствуя себя виноватой, но, когда поднимаю голову и вижу его расширенные зрачки, малейшие угрызения совести утихают. От него воняет алкоголем и чем-то еще, непривычным и отвратительным, этот человек – не тот Хардин, которого я люблю.

– Черт, я так запутался в своих собственных мыслях, что и думать ни о чем не могу, не говоря уж о том, чтобы в тысячный гребаный раз объясняться с тобой! – орет он, ударяя кулаком по гипсокартонной стене и проламывая ее.

Я наблюдала подобную сцену уже много раз. И этот будет последним.

– Ты даже не попытался!

– Тесса, что еще тебе нужно? Хочешь, чтобы я по буквам произнес? Убирайся отсюда – возвращайся туда, где тебе место! Здесь тебе делать нечего. – К концу последней фразы его голос становится нейтральным, даже спокойным. Почти безразличным.

У меня больше не осталось сил бороться.

– Доволен, Хардин? Ты победил. Ты снова победил. Хотя ты всегда побеждаешь.

Он поворачивается и смотрит мне прямо в глаза.

– Тебе ли не знать.

Глава 14
Тесса

Не знаю, как мне удается добраться до Хитроу вовремя, но я успеваю.

Кажется, Кимберли обнимает меня на прощание, когда высаживает у аэропорта. Отчетливо помню, как Смит внимательно смотрит на меня, о чем-то размышляя.

И вот я сижу в самолете, рядом незанятое сиденье, а в голове так же пусто, как и на сердце. Я не могла ошибаться в Хардине сильнее, и это еще раз доказывает, что человек может измениться, только если сам захочет, независимо от того, какие усилия прикладываешь ты. Он должен хотеть этого так же сильно, как и ты, иначе все без толку.

Невозможно изменить человека, в чьем сознании прочно укоренился именно такой собственный образ, каким он и является. Недостаточно ни твоей поддержки, чтобы оправдать его заниженные ожидания в отношении самого себя, ни любви, чтобы уничтожить ненависть, которую он к себе испытывает.

Эта битва обречена на провал, и в конце концов спустя столько времени я готова сдаться.

Глава 15
Хардин

В ушах звенит голос Джеймса, его босая ступня касается моей щеки.

– Чувак, вставай! Скоро придет Карла, а ты занял единственную ванную.

– Отвали, – ворчу я и снова закрываю глаза. Если бы я мог сдвинуться с места, то переломал бы ему пальцы на ногах.

– Скотт, кончай дурить. Ты можешь лечь на диван, великан чертов, а мне нужно поссать и хотя бы почистить зубы.

Он прижимает ступню к моему лбу, и я пытаюсь встать. Чувствую себя как куча дерьма, глаза и горло саднит.

– Он жив! – кричит Джеймс.

– Черт, заткнись.

Я затыкаю уши и прохожу мимо него в гостиную. Полуодетая Джанин и полный энтузиазма Марк уже собрали в мусорный мешок пустые пивные бутылки и красные стаканчики.

– Как спалось на полу в ванной? – весело осведомляется Марк, зажав сигарету в зубах.

– Обалденно. – Я закатываю глаза и сажусь на диван.

– Ты был просто в хлам, – заявляет он гордо. – Ты когда так напивался в последний раз?

– Не помню. – Я растираю виски, а Джанин подает мне кружку. Я качаю головой, но она сует ее мне в руки.

– Это просто вода.

– Я в порядке. – Не хочу ей грубить, но, черт, она такая надоедливая.

– Вот ты попал, – говорит Марк. – Я думал, эта американка… Как там ее, Триша? – Сердце начинает глухо колотиться в груди при упоминании ее имени, даже несмотря на то, что он запомнил его неправильно. – Думал, она разнесет всю квартиру к чертям собачьим. Боевая малышка.

В памяти всплывает картина: Тесса кричит на меня, швыряет бутылку о стену и уходит прочь. Боль в ее глазах заставляет меня еще больше вжаться в диван, и я чувствую, что меня снова начинает тошнить.

Все к лучшему.

Иначе и быть не может.

– Малышка? – изумляется Джанин. – Я бы не назвала ее малышкой.

– Ты ведь не о том, как она выглядит? – говорю я с прохладцей, еле сдерживаясь, чтобы не выплеснуть воду из кружки ей в лицо. Если Джанин кажется, что она такая же красивая, как Тесса, она явно перебрала.

– Она не такая худенькая, как я.

«Еще один гребаный комментарий, Джанин, и от твоей самоуверенности ничего не останется».

– Сестренка, без обид, но та цыпочка гораздо сексуальнее

тебя. Наверное, поэтому Хардин та-а-ак влюбился, – тянет Марк.

– Влюбился? Я вас умоляю! Вчера он вышвырнул ее отсюда, – смеется Джанин, и в мой живот словно всаживают нож.

– Я не… – Я даже не могу спокойно закончить фразу.

– Забудьте о ней. Я не шучу, черт возьми, – предупреждаю я эту парочку.

Джанин бормочет что-то себе под нос, а Марк, усмехнувшись, вытряхивает пепельницу в мусорный мешок. Я откидываюсь головой на диванную подушку и закрываю глаза. Никогда мне не перестать пить, никогда. Иначе не избавиться от боли, иначе так и придется сидеть с огромной дырой в чертовой груди.

Я весь издергался и раздражен, меня тошнит, сил нет – хуже не бывает.

– Она приедет через двадцать минут! – говорит Джеймс. Открыв глаза, я вижу, что он полностью одет и меряет шагами маленькую гостиную.

– Мы знаем, заткнись уже, – лениво тянет Джанин, прихлебывая из бутылки. – Приходится терпеть это раз в месяц.

Нужно заняться самолечением. Для такого труса, как я, нет другого выхода, кроме как забиться в угол и спрятаться от пульсирующей боли, ведь вся жизнь разваливается на части.

– Дай-ка мне и это тоже, – тянусь я за выпивкой в руке Джанин.

– Еще даже не полдень, – говорит она, закручивая крышку.

– Я тебя не спрашиваю, сколько времени или сколько градусов на улице. Я попросил водки. – Я вырываю бутылку из ее рук, и Джанин раздраженно фыркает.

– Значит, ты бросил универ? – спрашивает Марк, пуская колечки дыма.

– Нет… – Черт. – Пока не знаю. Я об этом еще не думал.

Я делаю глоток, и обжигающая жидкость проваливается внутрь. Черт, понятия не имею, что делать с университетом. До выпуска всего полсеместра. Документы в работе, и я уже отказался от гребаной церемонии. Еще нужно что-то решить с квартирой, где осталось все мое барахло, и машиной, припаркованной в аэропорту Сиэтла.

– Джанин, сходи проверь, вдруг в раковине грязная посуда, – говорит Марк.

– Нет, мне всегда приходится ее мыть…

– Я накормлю тебя обедом. Знаю, ты без копейки, – обещает он.

Это срабатывает, и Джанин оставляет нас в гостиной одних. Мне слышно, как Джеймс шумит в своей спальне: звук такой, будто он двигает мебель.

– Что за Карла? – спрашиваю я Марка.

– Подружка Джеймса. В целом она клевая, но немножко зануда. Не какая-нибудь стерва или что-то в этом духе, просто не в восторге от всего этого дерьма. – Марк обводит ру-

кой запущенную квартиру. – Она учится на врача, богатые предки и все такое.

– Тогда на кой ляд ей Джеймс? – смеюсь я.

– Эй, придурки, я вас слышу! – вопит Джеймс из комнаты.

Теперь и Марк смеется, гораздо громче, чем я.

– Не знаю, но он теперь долбаный подкаблучник и все время паникует перед ее приездом. Она живет в Шотландии и наведывается только раз в месяц, но постоянно одно и то же. Он все время пытается произвести на нее впечатление. Поэтому и поступил в универ, хотя уже два предмета завалил.

– Именно поэтому он не переставая трахает твою сестру? – поднимаю я бровь. Джеймс всегда был бабником, это уж точно.

– Я вижу Карлу только раз в месяц, а с Джанин уже сто лет не сплю! – защищается Джеймс, выглянув из-за угла, и снова исчезает. – Теперь заткнитесь оба, пока я не выставил отсюда ваши задницы!

– Супер! Давай еще яйца побрей, – подкалывает его Марк и передает мне бухло.

Он теребит этикетку на бутылке с водкой, зажатой между ног.

– Слушай, Скотт, я не очень разбираюсь во всей этой любовной хрени, но ты никого не проведешь здесь своим спектаклем.

– Это не спектакль, – огрызаюсь я.

– Ну да, конечно. Ты просто заявляешься в Лондон после трех лет отсутствия, не говоря уж о той цыпочке, которую с собой привез. – Его взгляд перемещается от моего лица к бутылке. – Потом перебираешь с выпивкой. И еще, мне кажется, у тебя рука сломана.

– Не твое дело. С каких пор ты стал так заморачиваться? Сам каждый день пьешь и куришь.

Марк с этим неожиданным интересом к моей жизни раздражает меня все больше. Я пропускаю мимо ушей его замечание насчет руки, хотя, надо признать, она понемногу меняет цвет на фиолетово-зеленый. Но я не мог сломать руку о чертову гипсокартонную стену.

– Не будь идиотом, ты можешь притворяться сколько угодно. Правда, я не помню, чтобы ты был таким неженкой. Ты всегда вел себя как бесчеловечная скотина.

– Я не неженка, ты просто раздуваешь из мухи слона. Эта телка – случайная девица из моего универа в Америке. Мы познакомились, и я ее трахнул. Она хотела посмотреть Англию и оплатила дорогу сюда, и я снова ее трахнул, уже на королевской земле. Конец истории. – Я делаю еще один глоток водки, чтобы смыть ту чушь, которую только что выдумал.

Судя по всему, Марка мои слова не убедили.

– Ну конечно. – Он закатывает глаза. Дурацкая привычка, которую он перенял у сестры.

Я с раздражением поворачиваюсь к нему, но прежде, чем

успеваю что-то сказать, к горлу подкатывает желчь.

– Слушай, когда мы познакомились, она была девственница, и я трахнул ее на спор ради бабла. Так что никакой я не неженка. Мне на нее плевать…

В этот раз я не могу сдержаться и, зажав рот, бегу мимо Джеймса. В итоге он кроет меня матом за заблеванный пол в ванной.

Глава 16
Тесса

– Это как миниатюрный ноутбук.

Я продолжаю изучать свой новый телефон. В айфоне больше функций, чем в компьютере. Пробегаюсь пальцем по огромному экрану, касаясь маленьких значков. Ткнув на квадратик камеры, подпрыгиваю от неожиданности: выскакивает мое лицо не в лучшем ракурсе. Я быстро избавляюсь от него, нажав на иконку браузера, и машинально набираю адрес Гугла. Этот телефон ужасно непривычный. Все так запутано, но спешить мне некуда, и я постепенно разбираюсь, как им управлять. Я купила его всего десять минут назад и до сих пор еще в магазине. Все с такой легкостью тыкают в гигантский экран и листают пальцами, но здесь очень много функций. На самом деле слишком много.

Но, как по мне, это здорово – есть чем заняться. От этой штуки можно не отрываться часами, а то и днями. Я прокручиваю список жанров музыки, и меня просто потрясает, что бесконечное количество композиций становится доступно по щелчку пальцев.

– Хотите, помогу скопировать ваши контакты, фотографии и все остальное на новый телефон? – спрашивает девушка за стойкой. Я уже и забыла, что она и Лэндон здесь, –

слишком увлеклась, пытаясь разобраться, как работает телефон.

– М-м, нет, спасибо, – вежливо отказываюсь я.

– Вы уверены?

В ее густо подведенных глазах застывает удивление.

– Это не займет много времени, – добавляет она, продолжая жевать жвачку.

– Я и так помню все нужные номера.

Она пожимает плечами и переводит взгляд на Лэндона.

– Мне нужен твой номер, – говорю я ему.

Раньше мне требовались номера только мамы и Ноя. Мне просто необходимо начать все сначала. Новенький сияющий телефон с несколькими сохраненными номерами в этом поможет. Я всегда упорно отказывалась от нового мобильника, но теперь рада не меньше, что его приобрела.

К моему удивлению, это очень ободряет: ни контактов, ни фотографий, ничего.

Лэндон показывает, как сохранять номера, и мы уходим из магазина.

– Я еще покажу, как закачать твою музыку. В любом случае с этим телефоном все намного проще, – улыбается Лэндон, сворачивая на автостраду. Мы возвращаемся из торгового центра, где я потратила кучу денег – обычно столько уходит на одежду в неделю.

Нужно начать с чистого листа. Никаких воспоминаний, никаких фотографий, перелистываемых одна за другой.

Я не понимаю, в каком направлении двигаться и что делать дальше, но знаю наверняка: зацикливаться на том, что никогда не было моим, еще больнее.

– Ты не в курсе, как дела у моего отца? – спрашиваю я Лэндона за обедом.

– Кен звонил им в субботу, сказали, что Ричард привыкает. Первые несколько дней – самые тяжелые. – Лэндон тянется через стол, чтобы стащить жареную картошку из моей тарелки.

– Не знаешь, когда можно его навестить? – Если уж не осталось никого, кроме Лэндона и отца, появившегося в моей жизни месяц назад, хочу держаться к ним обоим как можно ближе.

– Не знаю точно, но могу спросить, когда вернемся.

Лэндон окидывает меня взглядом. Я бессознательно прижимаю новый телефон к груди. В его глазах светится сочувствие.

– Понимаю, прошел всего один день, но ты не думала насчет Нью-Йорка? – осторожно спрашивает он.

– Думала.

Я выжидаю и не хочу принимать решение, пока не обсужу это с Кимберли и Кристианом с глазу на глаз. Я разговаривала с Кимберли утром, и она сказала, что они вылетают из Англии в четверг. Мне до сих пор не верится, что сегодня только вторник. Кажется, что с моего отъезда из Лондона прошло не два дня, а гораздо больше.

Мысли снова возвращаются к нему и тому, чем он сейчас занимается… или с кем. Ласкает ли он ту девицу? На ней снова его футболка? Зачем я мучаю себя мыслями о нем? Я избегала его, а теперь вижу перед собой налитые кровью зеленые глаза и чувствую кончики его пальцев на своей щеке.

Я испытала боль и облегчение, которому можно только посочувствовать, когда, роясь в чемодане в аэропорту Чикаго, наткнулась на его грязную черную футболку. Я начала искать зарядное устройство для телефона, а в итоге нашла его последний плевок в душу. Сколько бы раз я ни пыталась заставить себя выбросить ее в ближайший мусорный бак, ничего не получалось. Не смогла. Затолкала обратно в чемодан, поглубже спрятала под одеждой.

Вот тебе и начать с чистого листа… Но пусть это будет маленькая передышка, мне и так очень тяжело. Весь мой мир разлетелся на кусочки, и я в одиночестве собираю осколки…

Нет. В самолете я решила, что не позволю себе больше об этом думать. Подобные мысли никуда не приведут. От жалости к себе только хуже.

– Я склоняюсь к Нью-Йорку, но мне нужно еще немного подумать, – говорю я Лэндону.

– Отлично. – Его улыбка заразительна. – Мы могли бы уехать недели через три в конце семестра.

– Надеюсь на это, – вздыхаю я, желая из всех сил, чтобы время текло быстрее. Минута, час, день, неделя, месяц –

сейчас чем больше пройдет времени, тем для меня лучше.

И время идет, а я понимаю, что каким-то образом тоже двигаюсь вместе с ним. Проблема в том, что я еще не решила, хорошо это или плохо.

Глава 17
Хардин

Открыв дверь квартиры, я удивлен: повсюду включен свет. Тесса обычно так не поступает, пытаясь экономить на счетах за электричество.

– Тесс, я дома. Ты в спальне? – окликаю ее я.

От духовки вкусно пахнет ужином. Из нашей маленькой стереосистемы по дому разносится приятная музыка.

Я кидаю папку и ключи на стол и иду искать Тессу. Быстро замечаю, что дверь в спальню слегка приоткрыта, и слышу доносящийся оттуда шепот, утекающий на волнах музыки в коридор. Когда я разбираю, чей это голос, со злостью распахиваю дверь.

– Какого черта! – кричу я. Голос гулко разносится по маленькой спальне.

– Хардин? Что ты здесь делаешь? – спрашивает Тесса, словно я не имею права сюда врываться. Она натягивает одеяло на голое тело, на ее губах играет легкая улыбка.

– Что я здесь делаю? Это что он здесь делает? – Я обвиняюще наставляю палец на Зеда, который, соскочив с кровати, принимается натягивать трусы.

Тесса продолжает смотреть на меня, как будто это я трахаюсь с каким-то засранцем в нашей кровати.

– Хардин, ты не можешь продолжать приходить сюда.

Ее тон такой пренебрежительный, такой насмешливый.

– Это уже третий раз за месяц! – вздыхает она, понижая голос. – Ты опять пил? – В вопросе слышатся сочувствие и раздражение.

Зед обходит кровать и, встав перед Тессой и словно защищая ее, протягивает руку к ее… ее округлившемуся животу.

«Нет…»

– Это правда? – давлюсь я словами. – Ты… с ним?

Она снова вздыхает, кутаясь в одеяло.

– Хардин, мы говорили об этом уже много раз. Ты не живешь здесь. Не жил уже около трех лет, я подзабыла, сколько точно. – Она говорит об этом так уверенно, и от меня не ускользает, какими глазами она смотрит на Зеда в поисках поддержки из-за моего вторжения.

Запутавшись, хватая ртом воздух, я падаю на колени перед этими двумя. И сразу же чувствую чью-то руку на плече.

– Мне очень жаль, но ты должен уйти. Ты ее расстраиваешь, – слышу я насмешливый голос Зеда.

– Ты не можешь так поступить со мной, – умоляю я Тессу, протягивая руки к ее животу. Этого не может быть. Этого просто не может быть.

– Ты сам виноват, – говорит она. – Прости, Хардин, но ты сам во всем виноват.

Зед гладит ее руки, пытаясь успокоить, и во мне закипает ярость. Я лезу в карман и достаю зажигалку. Они продолжа-

ют жаться друг к другу, и ни один из них не замечает моего жеста, когда я чиркаю пальцем по колесику. Маленькое пламя, теперь такое знакомое, кажется мне лучшим другом. Я подношу зажигалку к занавеске. Мои глаза закрываются, как только лицо Тессы озаряется злобными всполохами, пожирающими комнату.

– Хардин!

Первое, что я вижу, открывая глаза, – лицо Марка. Я отталкиваю его, вскакиваю с дивана и в ужасе падаю на пол.

Тесса была… И я был…

– Парень, тебе просто приснился кошмар, – качает головой Марк. – Ты как, нормально? Ты весь в поту.

Я несколько раз моргаю и провожу ладонью по мокрым волосам. Рука выглядит просто ужасно. Синяк уже должен был сойти, но не сошел.

– Ты как, нормально?

– Я… – Мне нужно выбраться отсюда. Нужно пойти куда-нибудь или что-нибудь сделать. Из головы не выходит образ объятой пламенем комнаты.

– Прими вот это и ложись спать, сейчас четыре утра. – Он откручивает крышку пластиковой бутылочки и кладет на мою влажную ладонь маленькую таблетку.

Я киваю, не в силах произнести ни слова. Не запивая, проглатываю таблетку и ложусь обратно на диван. Оглядев меня в последний раз, Марк исчезает в спальне, а я вытаски-

ваю телефон из кармана и начинаю разглядывать фотографию Тессы.

Не успеваю остановить себя, как палец нажимает на кнопку вызова. Знаю, я не должен этого делать, но, может быть, если я хотя бы раз услышу ее голос, то смогу спокойно заснуть.

– Ваш звонок не может быть совершен, так как набранный… – сообщает лишенный эмоций автоматический голос. Что? Я проверяю экран и звоню снова. То же самое сообщение. Снова и снова.

Она не могла сменить номер. Она бы так не сделала…

– Ваш звонок не может быть… – слышу я уже в десятый раз.

Тесса сменила номер. Сменила номер, чтобы я не мог до нее дозвониться.

Когда несколько часов спустя я засыпаю, мне снится другой сон. Он начинается так же, я прихожу домой, в ту же самую квартиру, но в этот раз там никого нет.

Глава 18
Хардин

– Ты до сих пор не дал мне закончить то, что я начала в воскресенье.

Наклонившись, Джанин кладет голову мне на плечо. Я немного отстраняюсь от нее, но она воспринимает это как намек на то, что мы ляжем на диван, и придвигается ближе.

– Не нужно, – отказываю я ей уже в сотый раз за последние четыре дня. Неужели прошло только четыре дня?

«Черт».

Если время не побежит быстрее, неизвестно, смогу ли я выжить.

– Тебе нужно расслабиться. Я могу помочь.

Ее пальцы скользят по моей голой спине. Я не принимал душ и не надевал футболку уже несколько дней. Не могу заставить себя натянуть ее после того, как в ней ходила Джанин. От футболки пахнет Джанин, а не моим ангелом.

Проклятая Тесса. Я с ума схожу. Чувствую, как скрепы, удерживающие мое сознание как единое целое, расходятся и вот-вот сорвутся окончательно.

Каждый раз, когда я трезвею, она пробирается ко мне в голову. Кошмар прошлой ночи преследует меня до сих пор.

Я бы никогда не причинил ей физическую боль. Я ее люблю. Любил. Черт возьми, я все еще ее люблю и буду любить всегда, но ничего не могу поделать со своим характером.

Я не могу каждый день сражаться с самим собой, пытаться быть идеальным для нее. Я не тот, кто ей нужен, и никогда им не стану.

– Мне нужно выпить, – говорю я Джанин.

Она томно поднимается с дивана и идет на кухню. В голову приходит очередная незваная мысль о Тессе.

– Поживее! – кричу я.

Она возвращается с бутылкой виски в руках, но останавливается и смотрит на меня.

– Ты с кем, черт возьми, так разговариваешь? Если собираешься вести себя как придурок, хотя бы сделай так, чтобы я не жалела о потраченном времени.

Я не выходил из квартиры с тех пор, как приехал, даже к машине не спускался, чтобы взять сменную одежду.

– Еще раз повторяю, у тебя рука сломана, – говорит Джеймс, входя в гостиную и прерывая мои размышления. – Карла знает, о чем говорит. Тебе нужно в больницу.

– Нет, все в порядке.

Я сжимаю руку в кулак и расправляю пальцы, чтобы доказать свою правоту. Вздрагиваю и ругаюсь от боли. Я знаю, что она сломана, просто не хочу об этом думать. Я занимался самолечением четыре дня, еще немного времени погоды не сделает.

– Само по себе это не пройдет. Сгоняй в больницу, а когда вернешься, получишь целую бутылку, – настаивает Джеймс.

Мне не хватает Джеймса, засранца. Джеймса, который трахал телку, а спустя час показывал видеозапись ее парню. Нынешний, обеспокоенный моим здоровьем Джеймс жутко раздражает.

– Хардин, он прав, – поддакивает Джанин, пряча виски за спиной.

– Ладно, черт с вами! – ворчу я. Хватаю ключи, телефон и выхожу из квартиры. Отыскав на заднем сиденье машины футболку, натягиваю ее и еду в больницу.

В приемном покое куча галдящих детей. Приходится занять единственное свободное место рядом с ноющим бродягой, которому переехало ногу.

– Долго ждешь? – спрашиваю я.

От него жутко воняет, но я не могу даже заикнуться об этом, так как от меня, скорее всего, пахнет не лучше. Он напоминает мне Ричарда, и я задаюсь вопросом, как там у него дела в клинике. Отец Тессы в клинике, а я заливаю свои беды алкоголем и убегаю от реальности. В каком замечательном мире мы живем.

– Два часа, – отвечает тот.

– Твою мать, – бормочу я себе под нос и начинаю сверлить взглядом стену. Мог бы догадаться не переться сюда в восемь вечера.

Спустя полчаса называют имя моего бездомного соседа, и я с облегчением понимаю, что можно снова дышать через нос.

– Моя невеста вот-вот родит! – восклицает какой-то мужчина, не успев войти в приемную. На нем выглаженная рубашка и брюки цвета хаки. Он выглядит до боли знакомо.

Когда из-за его спины появляется миниатюрная брюнетка на последнем месяце беременности, я сильнее вжимаюсь в пластиковый стул. Да, это не могло не случиться. Я в запое и явился в больницу, чтобы осмотрели мою сломанную руку, именно в тот момент, когда ей приспичило рожать.

– Не могли бы вы нам помочь? – спрашивает он, взволнованно расхаживая взад-вперед. – Ей нужно кресло-каталка! Двадцать минут назад у нее отошли воды, а следующие схватки начнутся через пять минут!

Его метания нервируют других пациентов, но беременная женщина только смеется и берет своего мужчину за руку. Вот она, Натали, во всей красе.

– Я могу дойти. Все в порядке.

Натали объясняет медсестре, что ее жених, Элайджа, паникует больше, чем следует. Пока он продолжает мерить шагами приемную, она сохраняет спокойствие, полностью держа себя в руках. У меня вырывается смешок, и Натали поворачивается в мою сторону.

Широкая улыбка озаряет ее лицо:

– Хардин! Какое совпадение!

Про такое говорят, что беременные будто светятся изнутри?

– Привет, – отвечаю я, глядя куда угодно, только не на ее жениха.

– Надеюсь, у тебя все хорошо?

Пока ее парень разговаривает с медсестрой, она подходит ближе.

– Я недавно встретила твою Тессу. Она здесь, с тобой? – спрашивает Натали, оглядывая комнату.

«Разве ты не должна сейчас корчиться от боли или что-то типа того?»

– Нет, она… э-э-э… – Я пытаюсь на ходу придумать объяснение, но тут из-за стойки появляется еще одна медсестра.

– Мисс, мы вас ждем.

– Слышал? Шоу продолжается. – Натали уходит, но затем, обернувшись через плечо, машет мне рукой. – Была рада встретить тебя, Хардин!

У меня отвисает челюсть.

Видимо, кто-то на небесах решил глупо пошутить. Нельзя хотя бы немного не порадоваться за девушку: мне не удалось до конца разрушить ей жизнь… Вот она, передо мной, улыбающаяся и по уши влюбленная, готовая родить своего первенца, а я сижу в переполненной комнате в абсолютном одиночестве, вонючий и со сломанной рукой.

Карма наконец-то меня настигла.

Глава 19
Тесса

– Спасибо, что поехал со мной. Я просто хотела оставить машину и взять кое-что из вещей, – говорю я Лэндону, наклонившись у пассажирского окна.

Я долго раздумывала, где лучше оставить его машину. Не хотелось парковать ее у дома Кена: я боялась, что Хар… он скажет или сделает, когда в конце концов объявится, чтобы ее забрать. Оставить ее у его дома более логично. Здесь спокойный, патрулируемый район, так что, думаю, если кто и полезет в машину, его поймают.

– Ты уверена, что не хочешь, чтобы я поднялся с тобой? Я помог бы тебе спустить вещи, – предлагает Лэндон.

– Нет, я пойду одна. Да и вообще у меня там не много вещей, спущу их за раз. Но все равно, спасибо.

Это правда, но настоящая правда в том, что я просто хочу попрощаться с нашим старым жилищем в одиночестве. В одиночестве: теперь это состояние кажется более естественным.

Войдя в холл, стараюсь отогнать нахлынувшие воспоминания. Пытаюсь ни о чем не думать: пустые белые пролеты, белые цветы, белый ковер, белые стены. Никаких мыслей о нем. Только белые пролеты, цветы и стены.

Однако у моего сознания другие планы: белые стены медленно превращаются в черные, ковер заливает черная краска, а цветы засыхают, превращаясь в пыль.

Мне нужно только забрать пару вещей – коробку с одеждой и папку из университета, вот и все. Это не займет и пяти минут. Пяти минут недостаточно, чтобы темнота затянула меня обратно.

Прошло уже четыре дня, и я становлюсь все сильнее. С каждой секундой, проведенной без него, становится легче дышать. Возвращение в это место может свести на нет все мои усилия, но я должна справиться, если хочу идти вперед без оглядки на прошлое. Я собираюсь в Нью-Йорк.

Возьму перерыв на лето, как и хотела, и отправлюсь знакомиться с городом, который станет моим домом самое меньшее на несколько лет. Оказавшись в Нью-Йорке, я не смогу уехать, пока не окончу университет. Еще один перевод в личном деле не пойдет мне на пользу, поэтому нужно будет остаться на новом месте до конца учебы. И этим местом будет Нью-Йорк. Мысли о переезде немного пугают, да и мама расстроится. Но решать не ей, а мне, и я в кои-то веки думаю только о том, что нужно для меня самой и моего будущего. К тому времени, как отец выйдет из реабилитационной клиники, я уже освоюсь и буду рада, если он сможет приехать и навестить нас с Лэндоном.

Я начинаю паниковать, думая о том, что почти не подготовилась к переезду, но Лэндон обещал помочь утрясти

все детали. Последние два дня мы подавали заявление за заявлением на грант. Кен набросал и прислал черновой вариант рекомендательного письма, а Карен помогала искать мне по Интернету временную работу. София тоже забегала каждый день: рассказывала о самых интересных местах и предупреждала об опасностях, подстерегающих в таком большом городе. Она была так любезна, что даже пообещала поговорить со своим начальником, чтобы устроить меня в ресторан, где собиралась работать сама.

Кен, Карен и Лэндон советовали просто перевестись в новый филиал «Вэнс», который должен открыться через несколько месяцев. Жить в Нью-Йорке, не работая, невозможно, впрочем, как и устроиться на оплачиваемую стажировку без диплома университета. Я еще не разговаривала с Кимберли по поводу переезда, но у нее сейчас и так дел по горло, и они только что вернулись из Лондона. Мы практически не общаемся, лишь пару раз обменялись сообщениями, но она заверяет, что позвонит, как только все утрясется.

Я вставляю ключ в замочную скважину нашей квартиры, и меня словно осеняет: мне ненавистно это место с тех пор, как я побывала здесь в последний раз. Трудно поверить, что когда-то я его так любила. Войдя, я вижу, что в гостиной горит свет. Как же это в его стиле: не выключить свет перед поездкой в другую страну.

Однако прошла всего неделя. Время – сложная штука, когда живешь как в аду.

Я сразу прохожу в спальню, к шкафу, чтобы забрать папку, за которой пришла. Нет смысла задерживаться здесь дольше, чем необходимо. Папки не оказывается на полке, где я ее оставила, поэтому приходится начать поиски среди вещей Хардина. Наверное, он закинул папку в шкаф, когда делал уборку.

На верхней полке до сих пор стоит та старая обувная коробка, и мое любопытство берет верх. Я дотягиваюсь до нее, спускаю на пол и сажусь рядом, скрестив ноги. Снимаю крышку и заглядываю внутрь. В коробке стопка листков, исписанных его почерком с обеих сторон. Я замечаю, что некоторые распечатаны на принтере, и выбираю одну, чтобы прочесть.

«Вы разрываете мне сердце. Отчаяние и надежда сменяют друг друга. Мне больно знать, что я потерял Ваше расположение. Вы в сердце моем, и я думаю о Вас даже больше, чем восемь с половиной лет. Не говорите, что мы, мужчины, забываем скорее, что наша любовь скорее гибнет. Я никого не любил, кроме Вас»[2].

Я сразу узнаю слова из романа Остин. Читаю цитату за цитатой, ложь за ложью, пока не добираюсь до страниц, написанных от руки.

«Тогда, на пятый день, на мои плечи опустился неподъемный груз – постоянное напоминание о том, что я натворил и, скорее всего, потерял. Нужно было позвонить ей в тот

---

[2] Джейн Остин. Доводы рассудка.

день вместо того, чтобы пялиться на ее фотографии. Смотрела ли она на мои? Тогда у нее было только одно мое фото, и я поймал себя на мысли, что нужно было позволять ей фотографировать меня чаще. Какая ирония. На пятый день я швырнул телефон об стену в надежде разбить его, но треснул только экран. На пятый день я жаждал, чтобы она позвонила. Если бы она тогда позвонила, все было бы в порядке. Мы оба попросили бы прощения, и я бы вернулся домой».

Когда я перечитываю абзац во второй раз, на глаза наворачиваются слезы.

Зачем себя мучить? Должно быть, он написал это очень давно, сразу после того, как вернулся из Лондона в прошлый раз. С тех пор он изменил свое мнение на противоположное и ничего не хочет от меня, а я наконец смирилась. Я вынуждена смириться. Прочитаю еще один абзац и закрою коробку. Только один, обещаю.

«На шестой день я проснулся с опухшими красными глазами. Поверить не могу, что так сорвался прошлой ночью. Груз на моих плечах стал еще тяжелее, и я вообще с трудом различаю, что передо мной. Почему я такой идиот? Почему продолжал так плохо обращаться с ней? Она первая, кто увидел меня таким, какой я есть, разглядел настоящего меня, а я с ней так поступил. Обвиняю ее во всех грехах, хотя виноват только сам. Только я сам, даже когда не делал ничего плохого. Я был груб с ней, когда она пыталась поговорить со мной о проблемах, кричал на нее, когда она пыталась вы-

бить из меня все мое дерьмо, и часто лгал. Она простила меня за все, как и всегда. Я всегда могу на это рассчитывать, может, поэтому так и поступал – потому что знал, что могу. На шестой день я ботинком раздавил телефон».

Все. Не могу читать дальше: силы, которые я кое-как скопила после того, как вернулась из Лондона, тают с каждым словом. Я сую листы обратно в коробку и захлопываю крышку. Незваные слезы предательски застилают глаза, и мне не терпится сбежать отсюда. Лучше позвоню в офис университета и попрошу сделать копии документов, чем проведу в этой квартире еще хотя бы минуту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.